

РОВЕСНИК

8

1979

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Август, 1979 год, №8*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА: статьи, очерки, рассказы о ребятах из разных стран мира и ребят о себе

На первой странице обложки: детство, как известно, обычная страна, просто бо́льшая часть ее покрыта цветами. В данном случае — тюльпанами...

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, В. М. ВУДАРИН, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, О. А. ГОРЧАКОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), А. М. ЛЕВИН, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор Г. И. Лещинская

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19.06.79. Подп. в печ. 20.07.79. А03598. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 180 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1035.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

НЬЮ-ЙОРК. Массовую демонстрацию протеста против ущемления прав представителей национальных меньшинств провели студенты университета в штате Пенсильвания. Они потребовали от администрации этого высшего учебного заведения прекратить политику расовой дискриминации при приеме в университет. Учащиеся обратились также к властям в Вашингтоне с призывом прекратить всякое сотрудничество с режимом апартеида в ЮАР и марионеточным правительством в Зимбабве.

ПАРИЖ. Растущая безработица особенно тяжело отражается на молодежи Франции. Согласно последним официальным данным в стране ныне насчитывается 370 тысяч безработных моложе 25 лет. По призыву Движения коммунистической молодежи Франции проходит национальная кампания в поддержку прав молодого поколения на профессию и труд.

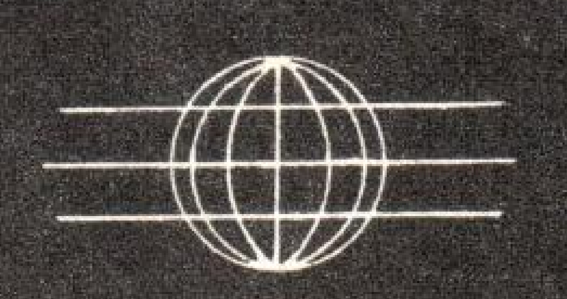
ДЕЛИ. В ноябре 1979 года в Индии состоится международная конференция детей, цель которой поддержать задачи, выдвинутые Международным годом ребенка. Инициатор этого мероприятия — Международный союз защиты детей. В конференции примут участие 400 старших школьников из зарубежных стран и 100 — из Индии.

ТЕЛЬ-АВИВ. Расистская политика израильских властей вызывает широкую волну протеста не только среди арабов, но и у прогрессивной части израильской общественности, особенно молодежи. Этот факт вынуждены признать даже сами правители Израиля. Недавно министр образования и культуры З. Хаммер на встрече с ректорами израильских университетов выразил глубокую озабоченность ростом недовольства студенчества политикой правящих кругов.

ЛУАНДА. В Анголе проводится кампания по борьбе с полиомиелитом. Необходимую вакцину предоставили бесплатно Советский Союз и другие социалистические страны. Получив в наследство от португальских колонизаторов убогую систему здравоохранения, молодое государство с помощью социалистических стран строит новые больницы и поликлиники.

На снимке: молодое поколение Анголы будет здоровым и крепким.

МАПУТУ. Накануне провозглашения независимости Мозамбика среди 4 тысяч студентов единственного в стране университета было только 40 африканцев. Проблема подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием наряду с ликвидацией неграмотности остается для молодой республики наиболее актуальной. К 1980 году намечено открыть 5 средних учебных заведений для подготовки специалистов сельского хозяйства и одно для подготовки механиков и техников химической промышленности. В университете Мапуту открывается подготовительный факультет для рабочей молодежи.

ПРЕТОРИЯ. Положение африканской молодежи в ЮАР ухудшается год от года. По данным торговой палаты Иоганнесбурга, 25 процентов африканцев в городах (1,7 миллиона человек), большая часть которых моложе 25 лет, не имеют работы. «Более половины черных, которые пришли на рынок труда в 1970 году, до сих пор не имеют места», — считают специалисты. Положение обостряется еще в связи с тем, что африканцы имеют весьма ограниченные возможности получить образование и профессию. 30 процентов детей коренного населения страны вообще не посещают школу, 64 процента тех, кто поступает учиться, кончают только четыре класса. Двери профессиональных училищ, готовящих квалифицированных рабочих, практически закрыты для черных.

ЛОНДОН. Как считают английские экономисты, программа пришедших к власти консерваторов — сокращение ассигнований на социальные нужды, уменьшение помощи отсталым районам, рост косвенных налогов — ведет к тому, что богатые станут еще богаче, а бедные — еще беднее. Больно ударит такая политика и по семьям молодых трудящихся, потому что государство ограничивает жилищное строительство, сокращает расходы на образование и здравоохранение. Особенно тяжелое положение в стране создалось с яслями и детскими садами: мест мало, а цены высоки. Во многих городах прошли митинги и демонстрации с требованием расширить сеть детских учреждений. Так, например, студенты лондонского политехнического колледжа заняли помещение вычислительного центра этого учебного заведения и провели там сидячую забастовку.

На снимке: бастующие студенты держат плакат «Ясли должны быть в каждом районе».

ТОКИО. Как сообщил еженедельник «Джапан пресс ньюс», японская молодежь испытывает глубокое неудовлетворение своим положением и социальными порядками в стране. Так, например, 32 процента молодых людей недовольны своей работой, 57,4 процента — обществом, в котором живут. Особое возмущение молодежи вызывает политика возрождения милитаризма и разрабатываемое правительством законодательство на случай «военного времени». На митингах и собраниях молодые японцы заявляют: «Молодежь не повторит ошибок прошлого и не возьмет снова в руки оружие».

ПАНАМА. Федерация студентов Панамы выступила с заявлением, осуждающим антинародную политику диктаторского режима Лукаса Гарсиа в Гватемале. Основной удар диктатура направляет против прогрессивных демократических организаций страны, жертвами террора стали многие прогрессивные студенческие лидеры, жестокие репрессии обрушились на крестьян, в Гватемале попираются элементарные права человека. Федерация студентов Панамы призвала всю латиноамериканскую общественность крепить солидарность с гватемальскими патриотами.

УЛАН-БАТОР. Бюро ЦК монгольского ревсомола утвердило устав новой молодежной организации республики — Объединения молодых творческих работников страны. Созданный недавно совет объединения, в который входят известные молодые поэты, артисты, композиторы, кинорежиссеры и художники Монголии, наметил обширную программу деятельности творческой молодежи, уделив особое внимание организации помощи самодеятельным коллективам.

ЖЕНЕВА. По данным Всемирной организации здравоохранения, в развивающихся странах ежегодно слепнут 250 тысяч детей вследствие хронической нехватки витаминов в их питании.

ВЬЕНТЬЯН. Тысячи молодых лаосцев изучают русский язык при культурных центрах, организованных обществом дружбы с Советским Союзом. Преодолевая тяжелые последствия войны, Лаос большое внимание уделяет народному образованию. Важную помощь в этом нелегком деле оказывают советские специалисты.

На снимке: студентка на курсах русского языка.

смотрите:

Тень от крыльев ложится на дорогу, по которой бредут босоногие дети. Это тень израильского военного самолета. И никто из бредущих не знает, что на уме у пилота: станет ли он сбрасывать бомбы или просто отправится восвояси, на базу?

И никто из бредущих не знает, где им укрыться от опасности, потому что нет у них дома, они — беженцы, дети и взрослые, целый народ. Многострадальный и героический народ Палестины.

Совесть человечества не может с этим примириться. Детям нужна крыша над головой, хлеб в достатке, игрушки. Детям нужно детство.

Л. И. БРЕЖНЕВ: ДЕТИ — НАШЕ БУДУЩЕЕ

1 января 1979 года Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев обратился с новогодним приветствием ко всем детям мира в связи с Международным годом ребенка. В приветствии говорилось:

Здравствуйте, дорогие юные друзья! Поздравляю всех вас с Новым годом. Организация Объединенных Наций, которая объединяет почти все государства земли, решила провозгласить его годом ребенка. Это очень хорошее, правильное решение. Ведь дети — это наше будущее, им придется продолжать дело своих отцов и матерей. Они, я уверен, сделают жизнь на земле лучше и счастливее. А наш долг постараться, чтобы дети всех народов не знали войн, чтобы у них было спокойное, радостное детство.

К сожалению, сегодня на земле еще во многих местах гремят выстрелы, льется кровь и гибнут не только взрослые, но и дети. Много еще детей умирают от голода и болезней. С этим нельзя мириться. В Советском Союзе мы стараемся сделать все, чтобы годы детства были здоровыми и счастливыми. Мы создали и продолжаем строить тысячи и тысячи светлых, удобных детских яслей, детских садов, школ. Мы стремимся научить детей добру, дружбе, научить их жить по-добрососедски со всеми людьми любой национальности и цвета кожи, научить их уважать труд и уметь трудиться на благо всех людей.

Дорогие ребята! Мальчики и девочки! Придет время, вы тоже станете взрослыми, и тогда забота о будущем ляжет на ваши плечи. А пока желаю всем вам здоровья, счастья, мирной и радостной жизни.

ТРИБУНА МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

ДЛЯ КОММУНИСТОВ КАЖДЫЙ ГОД — ЭТО ГОД РЕБЕНКА!

Ваппу ЛАММИНЕН,
генеральный секретарь
Демократического союза пионеров
Финляндии

„Человечество должно дать детям все лучшее, что у него есть!» Наверное, на земле найдется немного людей, которые бы стали открыто оспаривать этот пункт Декларации прав ребенка, принятой ООН. Все мы независимо от цвета кожи, социального положения и происхождения, прочих факторов прекрасно понимаем, что будущее наших детей — это в полном смысле слова наше будущее. Я вовсе не хочу подчеркивать момент некоторого расчета, этакого практического, утилитарного подхода к детям. Конечно, тут все намного сложнее. Это не деньги, которые вкладывают в банк, чтобы со временем получить проценты. Однако великий закон преемственности, взаимосвязи поколений, бесспорно включающий в себя классовый подход к воспитанию детей, начинается с того, чтобы создать максимум условий для формирования здорового, жизнеспособного поколения. Но одно дело понимать — другое делать. Между желанием дать детям все необходимое и реальной возможностью и умением сделать это — дистанция огромного размаха.

Я не случайно пустилась в общие рассуждения, собираясь говорить о положении детей в Финляндии. С первого взгляда положение наших детей довольно благополучно. В отличие от сверстников в развивающихся странах им не грозит голод. Зачастую они даже получают в школах бесплатное питание, имеют возможность учиться и отдыхать. Хорошо организован школьный транспорт. Да, дети в капиталистической Финляндии живут неплохо. Я вовсе не собираюсь ставить такое положение вещей в заслугу финскому капиталу. Это прежде всего плоды упорной борьбы финских рабочих и других демократических сил. Просто я хочу сказать, что борьба за лучшее будущее детей — это борьба за коренные социальные преобразования. Ведь, несмотря на относительное благополучие финских детей, положение их не так уж завидно. Наше общество, как и любое капиталистическое общество, не отличается политической и экономической стабильностью. Над родителями финских детей висит постоянная угроза безработицы. Дороговизна квартир, серьезные недостатки в системе образования и здравоохранения. После окончания школы финский юноша вовсе не уверен в том, что ему удастся найти работу. Наши дети растут в атмосфере неуверенности в будущем, а это неизбежно порождает глубокий духовный кризис.

Буржуазная пропаганда культивирует в детях дух жестокости, насилия. В мире, в котором тебе придется жить, говорит она, нужно суметь отвоевать себе место под солнцем. Пытаясь заглушить в детях ростки социальной справедливости, капиталистическое общество воспитывает индивидуалиста в худшем смысле этого слова — индивидуалиста, безразличного ко всему, кроме собственного благополучия.

Государственный совет Финляндии[1] учредил комитет Международного года ребенка. В нем преобла-

[1] *Правительство республики, в которое входит и президент. — Примеч. ред.*

логической работе. Например, наши пионерские лагеря во многом напоминают ваши. В них в основном отдыхают дети рабочих, однако двери в нашу организацию открыты для всех детей. Через увлекательные игры, походы, участие в кружках финские пионеры познают мир, родную природу, историю своей страны. Многие финские школьники побывали в Советском Союзе. Обмен молодежными и детскими делегациями стал делом привычным. Мы принимали активное участие в проведении Международного детского фестиваля «Пусть всегда будет солнце!» в «Артеке» и XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване, а также фестивалей дружбы молодежи Финляндии и Советского Союза.

XII съезд Демократического союза пионеров Финляндии выдвинул перед другими детскими и юношескими организациями нашей страны предложения о сотрудничестве на благо мира, солидарности и социального прогресса. Такое сотрудничество могло бы стать весьма плодотворным и успешно продолжаться в будущем. Хотелось бы, чтобы наше общее дело — защита интересов детей — не ограничивалось принятием резолюций и тактическими маневрами, не затрагивающими практической деятельности, как это иногда бывает.

дают представители буржуазии, поскольку комитет формировался с учетом соотношения сил в парламенте. Комитеты по подготовке и проведению Международного года ребенка созданы также во всех общинах. Вообще в Финляндии создана целая сеть государственных и общественных органов, которые должны, изучив положение детей на местах, внести конкретные предложения по улучшению их положения. Я не хочу сказать ничего плохого об этих комитетах, но уверена, что буржуазия, как всегда, в лучшем случае ограничится полумерами. Конечно, хорошо, если дети в результате деятельности этих комитетов, упрощенно говоря, получат лишний стакан молока или новую спортплощадку. Но ни один подобный комитет не может гарантировать работу их родителям и здоровую духовную атмосферу в обществе. А ведь это то, в чем дети нуждаются прежде всего.

За эти коренные нужды финского народа с момента своего основания борется Коммунистическая партия Финляндии. Она ни на минуту не забывает, что основная цель борьбы — установление справедливого общества. Мы с полным основанием можем сказать, что для коммунистов каждый год — это год ребенка!

Демократический союз пионеров и Демократический союз молодежи Финляндии прежде всего борются за воспитание в детях и юношах таких качеств, которые не позволят им стать послушными винтиками в капиталистической машине. Мы стремимся воспитывать в детях сознательное отношение к миру, учим их разбираться во всем многообразии окружающей действительности, чтобы, став взрослыми, они могли четко определить свое место в обществе. Потоку буржуазной пропаганды, льющейся на нашу молодежь с кино- и телеэкранов, мы противопоставляем народное искусство, наполненное прогрессивным социальным содержанием. Одновременно мы знакомим финских детей с жизнью их сверстников за рубежом, учим их солидарности, интернационализму. Наши пионеры проводят Международный год ребенка под лозунгом: «За счастливое будущее в мирном мире!» Знакомясь с жизнью детей в Намибии, Чили, ЮАР, Парагвае, с жизнью детей палестинских беженцев, они учатся сопереживать страданиям других людей, на конкретных примерах видят, какие ужасы несет гонка вооружений, раздуваемая империалистами. Сравнивая жизнь детей в странах капитала с жизнью детей Советского Союза и других социалистических стран, они неизбежно приходят к выводу, что по-настоящему счастливое мирное будущее может принести детям только социализм.

Опыт Советского Союза очень помогает нам в воспитательной, идео-

Пионеры начали подготовку к Международному году ребенка еще осенью 1978 года. Они знакомились с деятельностью Коммунистической партии Финляндии по улучшению положения трудящихся и их детей, брали интервью у коммунистов и других представителей Демократического союза народа Финляндии. Пионеры неоднократно обращались к местным властям с просьбой построить новые библиотеки, игровые площадки, улучшить культурное обслуживание. Хочется надеяться, что, несмотря на все различия в позициях по некоторым вопросам, нам удастся сплотить все прогрессивные демократические силы страны в единый антимонополистический фронт и совместно провести в жизнь благородные цели Международного года ребенка.

Подводя итог всему сказанному, я хочу подчеркнуть, что деятельность всех прогрессивных сил Финляндии в Международный год ребенка приобретает особую силу, поскольку она сливается с борьбой международного коммунистического и рабочего движения за коренные социальные преобразования, за построение социализма и коммунизма. Трудно переоценить ее значение. Может быть, лишь через много лет, когда исчезнут войны, несправедливость, страх за судьбу детей, мы, глядя на счастливые улыбки наших внуков, по-настоящему поймем, какое значение имеет эта борьба.

НЕСКОЛЬКО ИНТЕРВЬЮ ПО СУГУБО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ

Условие «Ровесника» было следующим: корреспондент выходит на улицу и задает первому встретившемуся в этот день ребенку вопрос: «Как тебе живется?» (Зная, что на этот вопрос большинство людей отвечают коротко — «хорошо» или «плохо», — корреспонденту дозволялись различные хитрости в виде дополнительных и, может быть, наводящих вопросов.) Вот что ответили дети разных стран и континентов корреспондентам «Правды», ТАСС, АПН, «Вокруг света», «Ровесника», журналисту из Мексики. Редакция благодарит всех участников за помощь в составлении этой подборки.

Катя ГАВЛИЧКОВА,
9 лет,
Чехословакия —
корреспонденту
«Ровесника»
Д. Прошуниной:

«А ПОТОМ Я ОТ МАМИНОЙ РАБОТЫ ПОЕДУ В ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ».

Мы встретились в Пражском Граде после органного концерта в соборе святого Витта.

— Катя, расскажи, как ты живешь?

— Спасибо, я живу хорошо.

— Концерт тебе понравился?

— Я не люблю органную музыку...

— А почему же ты пошла на концерт?

— А это нам велела учительница по художественному воспитанию, чтобы мы ходили на детские утренники классической музыки. Мы с папой любим рок, а мама любит серьезную музыку.

— Ты учишься хорошо?

— Мы с папой считаем, что хорошо (Катя смеется), а мама говорит, что могла бы лучше. Вы знаете, мама тоже учится вечером в университете, она будет филологом. Она говорит: «Если я при двух детях могу учиться только на «отлично», то ты не имеешь права получать двойки». (В чехословацкой школе самая высокая оценка — единица, двойка соответствует нашей четверке.)

— А какой предмет ты любишь больше всего?

— Я люблю рисовать, у меня по художественному воспитанию единичка, и физкультуру тоже люблю, в особенности когда урок в бассейне, где мы плаваем. А дома я больше всего люблю читать и играть с Пепичком. Пепичек мой брат, ему три года.

— А что ты будешь делать летом?

— Я еще не знаю, наверное, мы все поедем в Крконоши к папиному другу, он там в горной службе. Ну, они ходят по горам, смотрят, чтобы не было пожаров, чтобы никто не заблудился, их часто по телевизору показывают, дядю Милана тоже показывали, но я тогда была маленькая, это мне папа сказал. А потом я от маминой работы поеду в пионерский лагерь. Я буду собирать цветы и сделаю гербарий, а потом подарю его нашему уголку живой природы.

Петер БОРГ,
9 лет,
ФРГ —
корреспонденту АПН
Евг. Бовкуну:

«У МОИХ РОДИТЕЛЕЙ ВСЕ РАСПИСАНО ДО КОНЦА ГОДА, И НИКАКОГО ПЛАНЕРА НЕ ПРЕДВИДИТСЯ!»

Блошиные рынки — самые необычные на свете музеи. Тут вещи служат экскурсоводами. Они рассказывают занимательные истории о своих владельцах, которые сидят на раскладных стульчиках и сами вроде музейных экспонатов. Одинокие чудаки, рассчитывающие заинтересовать окружающих «древними» табакерками, подсвечниками, связкой бабушкиных любовных писем или дедовским мундиром. Чаще всего это одинокие пожилые люди, которым просто не хватает общения, а иногда и средств к существованию. И вдруг...

На блошином рынке в небольшом рейнском городке Цонсе я впервые увидел детей, торговавших барахлом.

Я подошел и разговорился с ними, вернее, со старшим.

— Что ты здесь делаешь?

— То же, что и остальные. — Жест в сторону соседей.

— Значит, торгуешь. А родители в курсе твоей коммерции?

— Конечно, нет. — Компаньоны Петера прыскают, видимо, представив себе реакцию родителей. — Отец держит автомобильную мастерскую. А мать занимается хозяйством. Им не до меня. Сегодня (это было воскресенье) они укатили в Нойс навестить мамину сестру.

— А почему ты не поехал с ними?

— Не взяли. К тому же у них скучища. Опять будут подсчитывать налоги...

— Стало быть, рассчитываешь провести время поинтереснее? — Я киваю в сторону вещей, аккуратно разложенных на пледе. Среди них: старый дедов планшет, катушки с нитками, хлебница, школьные учебники для второго класса, стеклянная вазочка, свернутые в трубку плакаты 1954 года, извещающие о гастролях американского варьете. — Нужны деньги на мороженое или кино?

Петер отрицательно качает головой:

— Коплю на планер.

— Разве родители не могут его тебе подарить? Отец ведь, наверное, зарабатывает неплохо?

— Какое там! У моих родителей все расписано до конца года, и никакого планера не предвидится!

Мальчишки опять прыскают, и один из них, белобрысый, с выбитым зубом, шепелявя, выпаливает:

— Такие штуки взрослые покупают для себя!

Я мысленно соглашаюсь с ним. Радиоуправляемые модели планеров стоят в магазине 150—200 марок. Я часто видел в парках, как этой игрушкой забавлялись молодые отцы. Еще одно хобби молодых состоятельных пап, а иногда и холостых мужчин, которые хорошо зарабатывают, — игрушечные железные дороги. Стоимость их порой переваливает за тысячу. Около сотни марок стоит лишь один-единственный паровозик...

Я вспоминаю, что в газете «Вестдойче альгемайне» недавно было помещено странное объявление: «Живется ли собакам в ФРГ лучше, чем детям? Кем вы хотите быть: собакой или ребенком? Пожалуйста, запишите ваше мнение, по возможно-

сти в краткой форме, и сообщите в редакцию». Вскоре были опубликованы и ответы. «Уж лучше быть собакой: их всегда гладят по голове и дают вкусные вещи», «Собакам разрешают бегать везде, а нам негде играть», «Собак не колотят, если они разобьют вазу», — писали дети.

Уго ТУЛИО,
9 лет,
Мексика —
корреспонденту «Правды»
Л. Костаняну:

«Я УЧИЛСЯ ОДИН ГОД. ЭТО ЗДОРОВО. НО Я ЗАБОЛТАЛСЯ, СЕНЬОР. НАДО БЕЖАТЬ...».

С Уго я познакомился на арене «Мехико», где по воскресеньям матадоры сражаются с быками. Тот день был будним, и матадоры просто тренировались.

Уго стоял у бортика. Он был единственным зрителем. И, как выяснилось, здесь он не такой уж частый гость.

— Знаете, сеньор, чтобы ходить на эти спектакли, нужны большие деньги. И времени у меня нет. Я продаю газеты. — А, так, значит, он «крикун» — так в Мексике зовут уличных продавцов газет.

— Да, сеньор. И это неплохая чамба (слово это простонародное, трудовые люди так называют работу). А что я делаю здесь? Любопытно. Сегодня я быстро разделался с газетами. Была неплохая новость: ограбили банк в центре города. Вы слышали, сеньор? Газеты шли нарасхват. Еще пять минут, и побегу за дневным выпуском...

Почему я не хожу в школу? Я же сказал, сеньор, что у меня всего пять минут свободного времени. Если я не принесу домой деньги, дома не будет обеда. Меня отправляли в школу, но какая учеба на голодный желудок? У нас в семье четверо детей. Я младший. А со старших спрос еще больше. Каждый должен принести домой деньги...

Не думайте, сеньор, что это много денег, когда все работают. Иначе я бы пошел учиться. Отец обещал мне: если хорошо пойдут наши дела, он пустит меня в школу. Я учился один год. Это здорово. Но я заболтался, сеньор. Надо бежать...

Минунт
АРКАУКЕРА-СИМЕОН,
12 лет,
Австралия —
корреспонденту ТАСС
Б. Васильеву:

«ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО ДЛЯ СВОЕГО НАРОДА, НАДО УЧИТЬСЯ, НО УЧИТЬСЯ МОЖНО ТОЛЬКО В ГОРОДЕ».

Этот мальчик — австралийский абориген, он живет в бывшей резервации Ауракун на берегу залива Карпентария. Он уже ловко бросает копье и бумеранг, и взрослые все чаще берут его с собой на охоту. Его отец, один из племенных вождей Ауракуна, недавно умер, и теперь мальчик, которого звали Минунт Аркаукера — «Большой жук», в соответствии с обычаями аборигенов целый год будет носить другое имя. И сейчас его зовут просто Симеон.

Симеон только часть года живет в поселке, где посещает миссионерскую школу. Остальное время он, как и многие его сверстники, проводит в буше.

— В буше хорошо, охотимся на кенгуру, опоссумов, змей, стреляем из лука гусей и уток, ловим рыбу, — рассказывает Симеон. — Когда спадает жара, вечером у костра начинаются песни и танцы. Я знаю почти все — танец кенгуру-валаби, танец «морской орел», разные ритуальные танцы, умею раскрашиваться для этих танцев.

— Какие у тебя планы — останешься в буше или уедешь в город?

— Пока не знаю. Я уже понял, что для того, чтобы сделать что-то для своего народа, надо учиться, но учиться можно только в городе. А для нас это не так-то просто. И к тому же я не хочу уходить от своего народа, — говорит он.

Флоренс МУКУТУ,
11 лет,
Замбия —
корреспонденту ТАСС
В. Новикову:

«МНЕ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО, КАК ЖИВУТ ЛЮДИ В ДРУГИХ СТРАНАХ, НАПРИМЕР В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ».

— Я учусь в шестом классе. Наша семья небольшая, кроме меня и мамы с папой, которые работают, еще две сестры и три брата. Самой младшей сестренке пять лет. На бу-

дущий год, в январе, она тоже пойдет в школу. (В Замбии учебный год начинается в январе.)

У нас в классе все любят читать. И я тоже. Больше всего мне нравятся книги по истории. Всегда интересно знать, как жили люди раньше, чем они занимались. Я уже прочитала книги о нгони и луба. Это небольшие племена, которые живут в Замбии. А всего у нас более 70 племен.

Мне очень интересно, как живут люди в других странах, например в Советском Союзе. К сожалению, мы очень мало знаем об этой стране. Недавно я прочитала, что население СССР — 270 миллионов! Трудно представить себе столько людей. Ведь у нас в Замбии 5 миллионов, и считают, что это очень много. Я бы очень хотела переписываться с кем-нибудь из советских школьников, чтобы побольше узнать об их родине.

А еще я очень люблю плавать. Хотя у нас в Замбии нет моря, зато много озер и рек. Ведь само название нашей страны произошло от Замбези — одной из самых больших рек Африки.

В свободное время я очень люблю танцевать. Мы часто танцуем в перерывах между уроками. Собираемся в круг, танцуем и поем. И так отдыхают от уроков не только в нашей школе, но и в других.

После окончания школы я хочу стать медицинской сестрой или врачом. Вы спрашиваете, почему? Мне кажется, что врач всегда нужен людям, даже когда они здоровы. А у нас, в Замбии, к сожалению, еще очень много болезней, от которых страдают и дети и взрослые.

Педро МАРТИНЕС,
почти шесть лет,
Чили —
мексиканскому журналисту (имя он просил не называть, поскольку в Чили был нелегально):

«БРАТЬЯ, КАК И Я, ИЩУТ, ГДЕ БЫ ЗАРАБОТАТЬ, ЕСЛИ НЕ НАХОДЯТ, ТО ПРОСЯТ МИЛОСТЫНЮ».

Маленький бродяга. Их здесь сейчас много. Их называют «пелуса», то есть «уличные пушинки».

Он стоял на углу авениды Провиденсия. Был холодный майский вечер. Тоненькая рубашонка и короткие рваные брюки не могли скрыть его худющей фигурки. Он просил милостыню. Одни давали ему мелкие монетки, другие проходили, словно не видя.

Мои вопросы он воспринял с опаской. Наконец ответил, что ему почти шесть лет.

— Тебе холодно?

— Да.

— Где живешь?

— Там... в ломас.

Он не назвал более точного адреса. Это могли быть любые «ломас», то есть холмы на окраине Сантьяго.

Малыш рассказал, что его отец «отправился на поиски работы», но Педро не знает куда. Педро не смог сказать, кем будет, когда станет большим. Сказал, что знает только, что должен добывать деньги.

— Что ты с ними делаешь?

— Отдаю маме.

— Все?

— Все, до одного сентаво.

— А если ты захочешь есть?

— Все равно я не потрачу ни монеты. У меня двое братьев — Хосе, восьми лет, и Мануэль — девяти, и шестимесячная сестра Лусия. Братья, как и я, ищут, где бы заработать, и если не находят, то просят милостыню. В школу никто из нас не ходит.

Его рассказ можно дополнить. Таких, как Педро и его семья, сегодня в Чили множество. Из 9 миллионов 121 тысячи жителей страны, по официальным данным, 1 миллион 916 тысяч живут в крайней бедности. В том числе 393 тысячи детей дошкольного возраста. Смертность среди детей до одного года составляет 29,9 процента. 25,5 процента детей дошкольного возраста живет без отцов. Почти 50 процентов детей в таких семьях занимается бродяжничеством.

Меа ВИДАК,
10 лет,
Кампучия —
корреспонденту «Ровесника»
А. Левину:

«НУ СКАЖИ ЖЕ ХОТЬ СЛОВО, ВНУЧОК!»

Они сидели на столичном стадионе, где вот-вот должен был начаться праздник победы. Дед и внук. Из всей большой некогда семьи — одиннадцать человек — их осталось двое. Остальных убили полпотовцы.

— Как тебя зовут? — спросил я мальчика.

Он поднял на меня глаза, в глубине которых затаилась недетская скорбь, потом опустил их и ничего не ответил.

— Меа, — сказал дед, — Меа его зовут.

Опять молчание.

— Ну скажи же хоть слово, — взмолился дед и, повернувшись ко мне, добавил: — Уже вторую неделю молчит. Просто не знаю, что делать. Вы уж извините его. Пережил он много. Почти всю семью на его глазах убили...

Старик запнулся, спохватившись.

— Ты пойди погуляй, — сказал он внуку, — смотри, вон шары несут. Сейчас парад начнется. Пойди посмотри.

Мальчик встал и, не говоря ни слова, пошел в сторону, куда показывал дед.

— Сначала мать с отцом и двух старших братьев, — продолжал старик, — потом сестру. А перед самым освобождением младшую его сестренку, внучку мою. Девять лет ей было. Живьем закопали. И еще двадцать человек вместе с ней. В их бригаде кто-то пожаловался на голод. Ну, всех их связали — и в одну яму. В их бригаде дети были и подростки. А яму с утра еще вырыли. Ямы каждый день заставляли рыть. Они говорили, что днем все равно кого-нибудь наказывать придется... А эту яму и Меа копал. А потом узнал, что для сестренки... Ну вот с тех пор и молчит.

Старик тяжело вздохнул. Мы поговорили с ним еще некоторое время. Подошел Меа и все так же молча сел рядом.

Старик погладил его по голове.

— Слышишь, Меа, все позади. Ну скажи же хоть слово, внучок!

Мальчик молчал...

Лайлима МОХАММЕД АКБАР,
13 лет,
Афганистан —
корреспонденту «Вокруг света»
В. Бабенко:

«СЕЙЧАС НАДО ХОРОШО УЧИТЬСЯ».

Это было в маленьком городе Пули-Хумри в велаяте Баглан, одной из северных провинций Афганистана. В городе Пули-Хумри я познакомился с певицей Лайлимой Мохаммед Акбар, которая, в сущности, певицей не была и таковой быть не собиралась...

В гостинице «Атлантик» шел митинг. Ровно год назад, 27 апреля 1978-го, в Афганистане произошла революция, народ опрокинул режим президента Дауда, который хоть и назывался республиканским, но имел все сходства с монархическим, и теперь люди праздновали первую годовщину новой власти. А революционный праздник — это всегда митинг и обязательно концерт.

Еще в зале, слушая речь губернатора велаята, я выделил из собравшихся именно Лайлиму. Почему? — трудно сказать. Как-то уж очень симпатично она улыбалась. Как-то особенно лучились агатовые ее глаза. И очень энергично и яростно она вскидывала вверх руку со сжатым кулачком, вторя скандированию лозунгов. «Зенда бад!» — звонко кричала она, и это означало «Да здравствует!» — революция, народ, Афганистан. «Мар!» — грозила она, и это означало «Смерть!» — врагам революции. А потом Лайлима куда-то исчезла, я потерял ее из виду и очень жалел: хотелось познакомиться и поговорить.

Начался концерт. И тут я снова увидел ее. Сильным умелым голосом, слегка дрожащим в моменты высших взлетов мелодии, она пела старинные пуштунские песни о любви и современные песни, созданные уже после революции популярнейшим в Афганистане композитором и исполнителем Садеком Фитратом. И после каждой песни в зале гремели аплодисменты, раскатывалось громогласное «Хур-р-ра!», а вооруженные мужчины, военные и гражданские, — зрелище для современного Афганистана, борющегося против внутренней и внешней реакции, самое обыкновенное, — одобрительно стучали о пол прикладами автоматов.

— Лайлима, где же ты научилась так хорошо петь? — спросил я после выступления, не без труда пробившись сквозь плотное кольцо поклонников, в большинстве своем столь же юных, как сама певица.

— Не знаю, — беспечно ответила она. — Я пою с первого класса, а теперь учусь в седьмом, в лицее «Хава», может, слышали о таком? — значит, пою — семь минус один — шесть лет. За шесть лет и научилась.

— Наверное, дома тоже есть певцы?

— Ну да! Отец, Мохаммед Акбар, на складе работает, он серьезный человек, ему не до пения.

— А учишься как?

— Хорошо! — Ответ был твердым и уверенным. — По всем предметам высшие оценки. Сейчас надо хорошо учиться.

— Конечно, надо, — не понял я сразу скрытого смысла ее слов. — Чтобы в будущем стать известной большой певицей...

И тут Лайлима Мохаммед Акбар, девочка из города Пули-Хумри, посмотрела на меня с оттенком явного превосходства.

— Нет. Чтобы лечить людей. Я поступлю в медицинский техникум. Или, может быть, стану учительницей...

Так Лайлима доказала мне, что она на самом деле взрослый человек, вполне взрослая семиклассница. Действительно, в стране, где до революции 90 процентов населения были неграмотны, где миллионы людей страдали — и во множестве умирали — от туберкулеза, трахомы и малярии, где детская смертность была самой высокой в этом районе земли, трудно быть просто певицей, и только певицей.

— Нет, пению я учиться не стану, — поставила точку Лайлима. — Зачем? Я ведь и так пою. Вы сами сказали, что пою хорошо...

Мне нечего было ответить. Лайлима пела действительно прекрасно. И размышляла о своем будущем тоже.

ПАПА, МАМА, Я — ОБЫЧНАЯ СЕМЬЯ

(ДИАЛОГИ)

Александр ШУМСКИЙ

Место действия: Москва, ясли-сад № 936 Ленинского роно. Время действия: 1 июня, Международный день защиты детей.

Алина, Оксана, Алеша, Витя и Павлик

В глазах у всех одна мечта — купаться. Они еще не старожилы, но тоже не припомнят такого жаркого начала лета. Они родились в тот засушливый год, когда под Москвой горели леса и болота из торфа, на Кольцевой стояли патрули и серый дым висел над городом. Но они не помнят то лето...

— Значит, вам всем по семь лет? — спросил я.

— Всем, — ответил Алеша.

— А мне по шесть, — ответила Оксана.

Мы сидели в зале, где недавно был выпускной утренник: они уходили из сада. И теперь, умеющие считать, могли легко прибавить к этому лету еще десять и с точностью до минуты узнать, когда в их жизни наступит выпускной школьный вечер. Но кому в семь лет нужна такая точность?

— Моя бабушка видела Ленина. На собрании, — сказал Алеша.

— А сколько же ей лет?

— Ей 95. Нет, наверное, 83. Бабушка еще видела Юрия Алексеевича Гагарина. А мама — только его похороны... У дедушки есть медаль «Отличник милиции». Он умер только что. Он умер, потому что курил.

...Мы их при случае спрашиваем о будущем: кем бы ты хотел? да почему? Считается, что им, семилетним, нечего сказать о прошлом. А им есть что сказать — и о прошлом и о настоящем. Их собственное «я» — понятие достаточно вместительное: сюда входят дедушки, бабушки, дяди. А если очень захочется, то запросто — весь мир.

Они сидят в одних трусах на лаковых стульях с рисунками, тянут руки до изнеможения: «Можно я? Можно я?» Каждый что-то хочет рассказать. Значит, есть что.

Павлик: Мой дедушка — двенадцатикратный чемпион мира по боксу. Он ездил во Францию, Англию... Ну, в Америку...

— А в каком весе выступал?

— В тяжелом. Иногда в легком.

Витя: А у меня папа журналист, а мама в церкви работает.

Оксана: Уй ты! Богу молится?

Витя: Там крестов-то нет. Это же склад...

Оксана: А моя мама не работает. Она потому что копит маленького. У нас маленький будет.

Алеша: Я знаю, почему американцы не любят чернокожих. У них характеры разные.

Павлик: А я знаю, что такое дипломат. Он пытается связать отношения между двух стран.

Оксана: На Зубовской есть фотографии — что творится в Китае!

Павлик: Папа рассказывал: они шли с мамой мимо Большого театра во время войны, а бомба упала на хвост скульптурного коня. А бабушка была старшим лейтенантом. А дедушка сейчас тренер в «Динамо». Он меня водил на соревнования с мамой.

Оксана: А вы читали про семь подземных королей?.. Там Страшила нашел себе друга — трусливого лёва.

Витя: Не лёва, а льва. Волшебник Страшиле дал мозги: он хотел думать.

Алина: А я хочу стать балериной.

— Почему балериной?

— Потому что мама меня все равно отдаст в ансамбль.

— А если не отдаст?

— Тогда воспитательницей в детском саду.

— А кем лучше?

— Лучше балериной. Очень танцевать хочется.

Эти разговоры про балет мальчикам были неинтересны. Витька сел верхом на Павлика, и они поехали по кругу. Витька кричал: «Человек на динозавре!» А Павлик смеялся...

Потом они устали, Павлик сел рядом и тихо мне сказал, как тайну:

— Я буду летчиком, как дядя Боря.

— Кто это — дядя Боря?

— Столяров. Первый мамин муж.

— А на каком самолете он летает?

— Он на вертолете был. Погиб при тушении пожаров. Бензобак загорелся. Он посадил вертолет, а выбежать не успел. Взорвался. Он маме подарил магнитофон...

— Значит, летчиком... Но ведь это опасно. Видишь как?

— Ну и что? — сказал Павлик.

— Я хочу стать водолазом, — сказал белобрысый Витя. — Нет, партизаном. Я люблю военные песни. Только я их не помню.

— А можно нам идти гулять? — спросила Алина.

— Можно. Только ответьте мне на последний вопрос: что самое главное в жизни?

Павлик: Для меня — мама.

Алина: Для меня — хорошо учиться. Я уже записалась в две школы: такую и музыкальную.

Алеша: Главное, чтобы не напали никакие враги. А то не будет никому хорошо житься. Отнимут хлеб и мясо.

Станислав Степашкин, папа

Жизнь Степашкина-старшего, как выяснилось, не очень известна дочери Виолетте.

— Трогает она мои награды и грамоты, а не поймет: откуда и за что? Мала еще, — сказал мне Станислав.

Конечно, есть у него и право и возможность воспитывать дочь на фактах собственной биографии, но зачем? Вырастет и сама поймет, как жил отец, чего держался или сторонился все свои годы.

— Какие черты характера, свойственные вашей жене и вам, хотели бы вы привить ребенку? — спросил я длинно.

Он ответил коротко:

— Нежность, доброту...

— Это, как я понимаю, от матери?

— Да, это от матери. Ну а что от себя — трудно сказать. Хочу, чтобы она многое увидела, узнала и передала через музыку — все хорошее людям.

Она слушала без особого внимания, разглядывала коленку, разбитую при падении с самоката. Она понимала, что отец любит поговорить о музыке, потому что много лет играл в оркестре и ей, как только подросла, купил пианино «Лира» на Ленинском проспекте. А сам он был с десяти лет флейтистом. Дело в том, что раньше в класс духовых инструментов принимали мальчиков с десяти лет. Как Степашкин стал музыкантом? Очень просто. Зашел за ним однажды друг детства и сказал: «Давай запишемся в музыкальную школу». — «Давай», — сказал доверчивый Стасик — ребенок военного времени. В школе ему предложили валторну — он согласился. Но в духовом оркестре нужен был флейтист — и Степашкин согласился снова.

Виолетта слышала и об этом. И потому, когда мы отпустили ее из зала, убежала с удовольствием — только трусики мелькали...

И с флейтой он пошел на службу в армию рядовым, как отец, только двадцать лет спустя. И там остался на сверхсрочную.

Он играл в сводном военном оркестре — 1600 человек! Они выступали на праздниках в Группе советских войск в Германии. Там Степашкин и расквартировался, в Потсдаме. И многое за службу повидал. Зал, где был подписан в мае 45-го акт о полной и безоговорочной капитуляции, например. Картинную галерею в Дрездене...

— Я рано остался без отца. Отец ушел на фронт и погиб. Мать работала. Но троих кормить, обувать, одевать — это все-таки тяжело. У меня еще две сестры. Я был младший. Мать со мной долго не сидела, потому что ей нужно было работать. Это моя жена с Виолеттой год нянчилась, как теперь полагается...

— Скажите, Станислав, что вас радует в дочке, а что огорчает?

— Радует ее доброта. Она добрая по натуре девочка. Растет она здоровой, крепкой. И увлечения ее радуют пока еще. И музыка ее интересует, и книги... Но немножко огорчает, что иногда она ленится. Хотя здесь, в саду, воспитатели на нее не нарадуются: она и помощница, и все. А дома иной раз ленится. Может быть, слишком возбужденной приходит: она же и в музыкальной школе занимается, и в детском саду. Все-таки тоже нагрузка. Так что лень ее временная. В семье у нас все трудолюбивые.

Сам Степашкин — мастер на заводе. Жена — на трикотажной фабрике. (У них сейчас пришло новое оборудование из Италии. Целый комплекс. Смонтируют — сра-

зу увеличат выпуск продукции. Вся продукция для Олимпиады: футболки с эмблемой «Москва-80», например...)

Какие еще события в семье Степашкиных представляют общечеловеческий интерес? Живут они в центре Москвы, в старом доме. Дадут им квартиру или нет?

— Дадут, — уверенно ответил Станислав. — Не мне, так жене. Она на очереди стоит у себя на фабрике...

А в конце разговора мы вспомнили, что у детей сегодня праздник. И Станислав, который за долгие годы службы в военном оркестре слышал множество торжественных речей и бесконечных тостов, сказал красиво, коротко и честно:

— Пусть оно и всегда так будет, чтобы над ними и над нами было небо голубое: без ракет, без самолетов. Только этого я желаю всем: и детям и взрослым.

Вилли-Пекка Тюнккюнен, финский мальчик

— Я слышал, ты можешь показать всех зверей в зоопарке. А кого больше любишь?

— Медведя.

— А как зовут этого медведя?

— Белый, — ответил шестилетний Вилли-Пекка, светловолосый, с голубыми глазами.

Четвертый год он ходит в этот сад. Папа его работает близко: в посольстве Финляндии. (Ясли-сад № 936 — на Кропоткинской улице.)

Когда Вилли-Пекка был маленький, он сбежал отсюда и сам нашел свой дом — свое посольство. Заведующая кинулась на поиски. Но не успела: в дверях стоял папа Тюнккюнен. Он строго спросил по-русски: «Что значит, убежал?..» Но вскоре гнев сменил на гордость за сына, который в три года сам гулял по Москве.

— Почему у тебя живот мокрый, Вилли-Пекка? — спросил я маленького финна.

— Потому что я помыл руки... Я играл с друзьями.

— А с кем ты здесь дружишь?

— С Салоповым и с Карпухиным.

— А Салопова как зовут?

— Салопов, — удивился он моей непонятливости.

— И во что вы играете?

— В войну. Потом в прятки.

— А в хоккей играешь?

— Конечно, играю.

— А где: в нападении или в защите?

— В нападении всегда.

— А ты вырастешь, тоже за финскую сборную в хоккей будешь играть?

— В футбол буду. А потому что, когда хоккей, всегда холодно.

— Скажи, пожалуйста, какое самое интересное событие за шесть лет у тебя в жизни произошло?

— Парад. На Садовой, седьмого ноября.

Надежда Павловна, музыкальный работник, рассказывала, как на рождественские каникулы приезжают из Финляндии к своим внукам в посольство дедушки и бабушки. И приходят в сад на елку.

«Они со слезами восторга смотрели на этот утренник — никогда таких массовых зрелищ не видели. Дети в сказочных костюмах, Дед Мороз — актер из «Современника», и у всех мишура в руках. Мы хлопали, а Вилли-Пекка танцевал под елкой вместе с двоюродной сестрой Сарри-Марией Копра, а другие финны пели...

Раньше их родители приходили к нам только на праздник Нового года. А теперь — на все: и на Первое мая, и Седьмое ноября, и Восьмое марта...»

Последний факт ей казался особенно важным. И правильно казался, потому что, если у людей одни и те же праздники, значит, они друзья или соседи, которым нечего делить, но есть чем поделиться.

— Вилли-Пекка, если бы тебя завтра избрали президентом всей Финляндии хоть на один день, что бы ты сделал для детей? — спросил я.

— Я нашел бы место, чтобы им спрятаться, куда бомба не пробивает. А если бы у меня цветы были бы, я бы их роздал.

— Кому?

— Всем, — ответил щедрый Вилли-Пекка.

Татьяна Георгиевна, мама-воспитатель

Каждая мама — воспитатель. Но не каждая — в детском саду. А Татьяна Георгиевна здесь вырастила дочерей - двойняшек. Аню и Сашу. Они уже учатся в школе, а играть приходят в сад по-прежнему. Ставят на ворота Васю — самого могучего игрока в подготовительной группе — и часами бьют ему пенальти. А мама тут же во дворе работает — воспитывает остальных. И мы беседуем.

— Раньше у воспитателей в садах была одна забота: лишь бы ребенок не разбился, лишь бы ему песочком в глазик не попали... А сейчас? Учебные занятия к школе — три раза в неделю; закаливающие процедуры — через день; подвижные игры — с бегом, метанием, подлезанием — каждый день. А индивидуальная работа? — спросила меня очаровательная мама очаровательных детей.

Но я не успел ей ответить: подбежала девочка-ябеда из средней группы, уже в слезах.

— Татьяна Георгиевна! А Заур не отдает битку Тане...

— Отдай, Заур!

— А пусть они мел сначала отдадут! — крикнул на ходу шустрый черненький Заур и дальше побежал, сам не ведая куда.

— Скажите, а что вы желаете своим дочерям? — спросил я у Татьяны Георгиевны.

— Хочу, чтобы пробились в спорте. У них есть шанс, мне кажется... Они выше всех в классе. Учатся во французской школе, в третий класс перешли. Мне нравится, что они во всем солидарны. Характер у них неспокойный — в отца. А я покладистая. Им, конечно, будет трудней. Таким детям всегда больше достается: их одергивают постоянно. Они обижаются... А ведь если Аню направить куда надо, она со своим упорством и энергией горы свернет. Лавировать не умеет, как и Саша. Может нагрубить, а потом переживать будет, печалиться...

Я их завтра отправляю в лагерь. Первый раз, — и она улыбнулась, вспоминая, как это прекрасно...

Да будет горн! Да здравствует линейка! Сосновый бор, за ним узкоколейка...

Открытие смены, костры, КВНы, и слезы по дому, и полдник, проигранный в теннис, и танцы, и записки в тихий час...

Что за мир открывается Саше и Ане! Белый верх, черный низ, красные шелковые галстуки. «За отличное дежурство вызывается на флаг!..» А двойная порция компота? А вожатая, которая дружит с баянистом, отчего физрук страдает?.. Что за мир открывается детям в июне!

В этом возрасте нет мелочей: вся жизнь проходит крупным планом. И все, что тогда ни случилось (ерунда и нелепость — по взрослым понятиям), останется в памяти навсегда. Может остаться. Потом в их жизни будет по-всякому: труднее, веселее, интересней. Но ярче впечатления не будет — даже от важных событий. Потому что впечатления детства самые яркие.

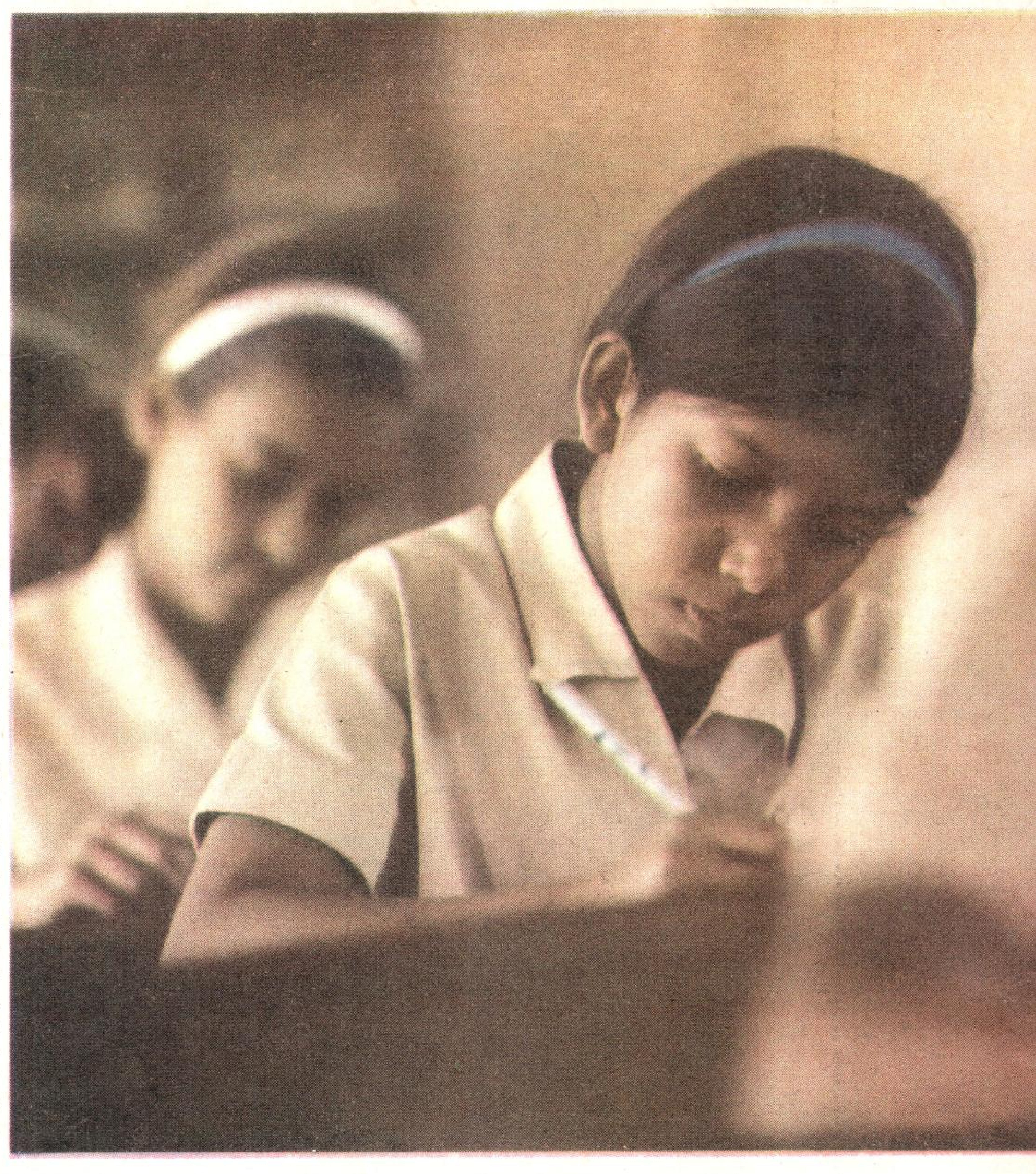
И, громких слов не говоря, что мы, мол, взрослые в ответе «за будущее их без слез», я сегодня думаю о реальной, ежедневной нашей ответственности: за их первое впечатление от жизни.

...Каким оно было — мы спросим у них очень скоро: не позже чем в 2000 году.

«Мальчишка, чистильщик сапог, уснул на центральной улице Гаваны, притулившись у деревянного ящика со щетками. Как его зовут? Сколько ему лет? Где он живет? Разбуди его — и он скорее всего не знал бы, что на эти вопросы ответить. В конце концов, какое значение имеют подробности? Этого ребенка зовут Куба. Он живет на улице. И ему тысяча лет, потому что за ним века и века страданий его страны. Его свалила усталость, и он уснул здесь, на этой улице, но никто не подошел к нему, чтоб предложить кров и хлеб. Никто, в общем-то, не обратил на него внимания: если замечать всех бездомных страны... В политических интересах Кубы нет места для этого уснувшего ребенка. И его судьба — это судьба Кубы: ждать. Ждать того дня, который освободит нашу землю от пут несправедливости и зависимости».

Журнал «Боэмия» № 46
за 1978 год, рубрика
«Двадцать лет назад».

Мы привыкли к цифрам. И если вы прочтете, к примеру, что до революции бюджет министерства образования Кубы составлял 76,5 миллиона песо, а в 1978 году государство выделило этому же министерству 1,156 миллиарда песо, то вы, конечно, отметите разницу, но вряд ли представите ее реальные масштабы. Цифры требуют образов: до революции этот бюджет в пересчете на душу населения составлял 11 песо.

НА КУБЕ—КРАСИВЫЕ ДЕТИ

В. СПАССКИЙ,
соб. корр. АПН —
специально для «Ровесника»

Из них «душе населения» доставалась едва ли половина. Ибо в министерстве образования, впрочем, как и во всех других министерствах, царила коррупция. Попросту говоря, чиновники крали. Всеми доступными способами.

Далее. О детских садах, яслях в то время и речи не было. Правда, существовали так называемые «крэчес». Их по всей Кубе насчитывалось 38 (тридцать восемь!). Это были так называемые «заведения для детей рабочих и крестьян», строившиеся католической церковью на деньги благотворительных фондов, за спиной которых стояли политические деятели, рассчитывавшие таким образом привлечь к себе избирателей. В «крэчес» дети проводили почти целый день. Естественно, никаких привычных нам «детсадовских» занятий с ними не предусматривалось. Питание, кстати, тоже, как и медицинская помощь. Обыкновенный загончик, только для детей. Но какое было счастье, если удавалось ребенка пристроить в этот загончик! А правила устройства таковы: в обмен на место в «крэчес» хозяева его требовали от родителей письменной (если не могли подписаться — а так бывало почти со всеми, — то ставили крестик, отпечаток большого пальца) гарантии в том, что они будут поддерживать на выборах местного политикана.

Если твой ребенок не попадал в «крэчес», что было, впрочем, гораздо вероятнее (вспомним цифру — 38), то его ждала судьба того маленького чистильщика, рассказ о котором в дореволюционной газете воспроизвел журнал «Боэмия». И это тоже можно было считать удачей, потому что, хотя на Кубе было 6 тысяч врачей, получить медицинскую помощь можно было, лишь имея рекомендацию от местного политика. А взамен тот требовал, естественно, поддержки на выборах... В итоге: до революции каждые 60 из тысячи детей умирали, не прожив и года.

Его успевали крестить, назвать Хосе, Пепе, Педро, еще каким-нибудь простым крестьянским именем, он смешно чихал и улыбался...

Продолжить цифры?

Итак: за двадцать месяцев, прошедших после революции, было построено 10 тысяч новых школ. Это в два раза превышает количество школ, построенных всеми буржуазными правительствами Кубы за полвека. Когда Фидель Кастро сообщил об этом, выступая в 1960 году с трибуны ООН, привычный к цифрам мир изумился.

Поездка с Карлосом Гандарильей

Мы с Карлосом Гандарильей едем в автомобиле по улицам пионерского городка имени Хосе Марти. Карлос Гандарилья — его директор, а машиной мы воспользовались потому, что это только так называется — «городок», на самом деле целый город, и за один день его вряд ли обойдешь. Карлосу же хочется показать мне многое, и гордость его понятна: вот стадион, вот пять — целых пять! — амфитеатров для детских праздников, вот театр, вот культурный центр, где детей обучают музыке, живописи, танцам, вот музей, вот...

Заметив мой недоуменный взгляд — в зелени замелькали старомодные виллы (их называли «роскошными»), и они несколько странно смотрелись на фоне современных белоснежных корпусов, — Карлос пояснил: «До революции эти виллы принадлежали промышленным и сельскохозяйственным магнатам. Простому народу даже близко запрещено было подходить к этой зоне. Особняки мы сохранили — удобные они, остальное построили заново. Только за последние четыре года государство вложило в наш городок около 53 миллионов песо. А отдыхают тут каждый год почти 200 тысяч детей.

Смотрите, вон там, справа, — продолжает Карлос, — учебные аудитории. К нам ведь ребята в течение всего года приезжают. Целые школы вместе с преподавателями. Правда, чтобы приехать к нам, школа должна занять первое место в социалистическом соревновании».

Мнение о городке тех, для кого этот городок построен

Роза Нуньес, 14 лет. Познакомились мы с ней в центральной библиотеке, Роза готовилась к экзаменам: «Я здесь все время вспоминаю рассказ моего отца. Он тоже хотел учиться. Но вместо этого с девяти лет начал работать, чтобы прокормить себя и помогать семье. Ему было очень трудно, так как негров и в школу и на работу принимали в последнюю очередь. Лишь после революции отец смог получить постоянную работу, а затем закончил шесть классов вечерней школы... У отца нас четверо, и все учатся. Нам незачем после занятий идти на улицу продавать сигареты или чистить прохожим ботинки, как это делали сверстники моего отца, чтобы заработать себе на хлеб. Я не помню, чтобы мы в чем-нибудь нуждались... Отец был очень горд за меня, когда мне дали сюда путевку».

Тринадцатилетний Фаусто Лусиано приехал в гости к кубинским пионерам из африканской страны с красивым названием Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи. «Я даже не мог предполагать, что такое существует, — возбужденно говорит Фаусто. — У нас дети после занятий в школе идут работать на фермы, чтобы заработать на учебники. А если ты заболел, то прощай учеба: все деньги уйдут на лечение. Здесь же в любое время можно болеть!»[1]

Есения и Анита Кастильо (7 и 8 лет). Из США. Родители их — тогда они сами были еще детьми — лишились родины. Став взрослыми, они приехали в 1978 году в гости на Кубу. А потом, вернувшись к своему временному пристанищу, отправили на летний отдых на родину уже своих детей — внуков тех, кто в страхе перед революцией бежал с Кубы.

Спрашиваю Есению:

— Что тебе здесь больше всего понравилось?

— Здесь очень любят детей... Нас везде обнимают, целуют...

— А из тех мест, в которых вы побывали на Кубе, что тебе больше запомнилось?

На ее лице появляется растерянность.

— Это очень трудно сказать... Ведь всюду было так красиво!

— Может быть, Варадеро? — подсказываю ей.

— Ах, Варадеро! — радостно произносит Есения и шепотом добавляет: — Там я влюбилась в Рауля.

— Влюбилась?!

— Да. Но в этом виновата моя мама.

— Почему, Есения?

— Потому что она научила меня его любить. Его и Фиделя. Поэтому когда я их увидела, то послала воздушный поцелуй Фиделю и влюбилась в Рауля... Я даже купалась вместе с ним на пляже.

Я делаю усилие над собой, чтобы сохранить серьезность, и пристально смотрю на девочку. Она, почувствовав напряженность, жмет мне руку и говорит:

— Ой, не пугайтесь, если бы мама была там, я бы на это не осмелилась!

Анита с улыбкой слушает признания Есении и иронически замечает:

— Умна не по годам!

Я смотрю на Аниту. Ее черная кожа контрастирует с белой кожей Есении. Я догадываюсь о драме, вошедшей в их жизнь там, в стране расовой дискриминации. Осторожно расспрашиваю Аниту:

— Вы с сестренкой учитесь в одной школе?

— Что вы! Там это невозможно, белые и черные не могут быть вместе, — отвечает она, удивляясь моему неведению[1].

— А если они сестры? — упорствую я.

Анита склоняет голову в раздумье, обменивается долгим взглядом с Есенией и затем отвечает:

— Это здесь так считают. А там... там все иначе. Когда мы вместе ходим в бассейн, белые оскорбляют меня. Мне кричат, чтобы я вышла из воды, потому что пачкаю ее. И многие тут же вылезают из воды. Мне из-за всего этого так хочется плакать... Моей сестре приходится быть в ссоре со всеми, и ей в лицо говорят скверные слова о нашем папе.

— Почему о папе?

— Потому что в первый раз он женился на моей маме, которая была черная, как я. Потом они поссорились, и он женился на маме Есении... Вот как было дело.

— И что ты обо всем этом думаешь?

Анита недоуменно пожимает плечами и говорит:

— Я только одно знаю, что моей сестренке все равно, какого цвета у меня кожа. И здесь на это тоже никто не смотрит...

Прошло двадцать лет. Улыбающиеся детские мордахи и красные галстуки — вот теперь символ Кубы. Сегодня здесь в начальных и средних школах учатся 1 миллион 845 тысяч детей — до революции учились лишь 700 тысяч. Полностью ликвидированы бродяжничество и беспризорность.

Сухой язык цифр. Но он украшен таким набором замечательных фактов, что для тех, кто мог только мечтать о подобных цифрах, они звучат как песня. В августе 1978 года Национальной ассамблеей народной власти был принят «Кодекс о детстве и юношестве». Это единственный в своем роде юридический документ в западном полушарии, в котором в форме закона закреплены обязанности государства перед подрастающим поколением. Это красивый документ. И на Кубе красивые дети.

---

[1] *В Демократической Республике Сан-Томе и Принсипи после многолетней национально-освободительной борьбы 12 июля 1975 года была провозглашена независимость. В республике проводятся глубокие демократические преобразования. И скоро Фаусто и другие ребята с островов тоже смогут «болеть в любое время».* — *Примеч. ред.*

[1] *Хотя более 25 лет назад Верховный суд США принял решение об отмене раздельного обучения лиц разного цвета кожи, школы для белых и для черных фактически существуют по-прежнему.* — *Примеч. ред.*

Джеки семь лет. В школу он не ходит. Он работает: продает на улицах марихуану. Внешне это выглядит вполне невинно: бегает мальчишка, предлагает почтовые конверты по никелю за штуку. Хозяин платит ему за это 60 долларов в неделю. Работает Джеки каждый день. Ростом он три с половиной фута, у него лукавая и смышленая черная мордашка. Он носит майку, на пузе огромными взрывающимися буквами выведено: «Исход». Он мечтает о лошади. Он хочет также, чтобы ему подарили часы с мультяшной собакой на циферблате. Он хочет найти свою бабушку. А я хочу найти его.

26 сентября.

Я выходила из метро на углу 79-й улицы и Бродвея. Сзади кто-то сказал: «Леди, никель». Мне послышалось: «Леди, ниггер», я обернулась. На ступеньках стоял мальчишка, лет пяти-шести, подумала я.

— Не хотите ли конвертик за никель, леди?

«Нет», — покачала я головой. Тогда он шепнул:

— Это травка! Пять долларов!

Я пошла прочь, потом вернулась. Он засмеялся: передние зубы отсутствовали. Шнурки на желтых теннисных туфлях развязались, на туфлях было выведено неровными красными буквами: «Джеки».

— Так вы хотите? — он совал мне конвертик.

— Нет, — сказала я. — А ты не хочешь перекусить со мной?

Он кивнул, и мы отправились в закусочную Бюргера Кинга. Он шел за мной, не говоря ни слова. Я заказала кофе, он — бутылку лимонада, кофе и кусок яблочного пирога. Я достала деньги, он оттолкнул мою руку: платит он! Показал мне горсть скомканных бумажек — 60 или 70 долларов. Тем не менее отсчитал два доллара мелочью.

СНЫ ДЖЕКИ УОТСОНА

Янт ТОМАС,
американская журналистка

— Не люблю менять бумажки, — сказал он и улыбнулся.

Мы сидели у окна. Мимо плыл хмельной бродвейский люд. Собака задрала лапу на ведро для мусора. Прошла женщина с бумажной сумкой для покупок — мимо пьяных, мимо собаки.

Он сказал мне, что живет в Бронксе, на Игл-авеню. Живет с бабушкой, в отличном, отличном месте.

— Вы знаете, с деревьями. У меня есть собака. Не кусачая. Она даже улыбается.

— Как зовут собаку? — спросила я. Он не ответил. Положил три куска сахара в кофе, глянул на меня, еще три куска проследовали в карман.

— Ну, сейчас у меня нет собаки, но там, где я раньше жил, была собака, которая ела людей. Полицейские хотели поймать ее, потому что у нее были такие большие зубы, что она могла съесть весь город и все равно была голодной. Я сказал этим полицейским, чтобы они ее загипнотизировали, и они попробовали, но у собаки были глаза такие большие и красные, что она заместо загипнотизировала их. И они стали лаять, как собаки. А если вы мне не верите, спросите Марти. Он тоже видел.

Я сказала, что хочу познакомиться с его бабушкой. Не покажет ли он, где живет? Мы могли бы пойти к ней вместе. В любой день. Может, даже завтра.

— Нет, — сказал он. Подумал. Потому что бабушки может не быть дома. Она обожгла руки и ноги, но, если я хочу, мы могли бы встретиться, выпить кофе где-нибудь рядом с его домом. Мы можем встретиться на Уэстчестер-авеню.

Бабушка дала мне немного денег сходить в магазин. Но мне хотелось покататься, и я сел в поезд. Там, куда поезд ехал, не росли деревья. Только туннели и черные дыры. Поэтому я выпил кофе и съел соленый кренделек в доме, где живут поезда. А когда я вернулся домой, мой дом уже сгорел и бабушку увезли.

27 сентября.

Джеки стоял, прислонившись к железным воротам китайской прачечной на Уэстчестер-авеню. У ног картонная коробка из-под молока, в коробке мертвая кошка. Физиономия у Джеки зареванная.

— Это кошка старика. Она съела яд. Я думаю, у нее разрыв сердца!

Мы побрели по Уэстчестер-авеню, мимо парикмахерской, на окне которой красовалась бумажка: «Последние новости! Христос явился, аки тать в нощи. Погода: дрянь».

Раньше здесь была железнодорожная станция Хигни. Сейчас — лишь обгорелый скелет зала ожидания, в кучах мусора роются собаки, а там, где когда-то были двери, стоят двое мужчин и занимаются делом странным — переливают пиво из банки в бутылку из-под кока-колы: опускают в пиво тряпку, потом отжимают ее в самодельную воронку, капли тихо падают в бутылку. Кап. Кап. Бутылка наполняется. Залаяла овчарка. Мужчина, державший бутылку, вздрогнул, бутылка выпала из рук, разбилась. Мужчина прислонился к приятелю и заплакал.

Джеки сказал, что он живет в доме номер 632 по Игл-авеню. Дом номер 632 — развалины. Вокруг — стены без дверей, двери без стен, стекла без окон, окна без стекол.

Напротив, через дорогу, — молельный дом «Сегунда Иглезиа Кристиана». Жена пастора Феликса Рамиреса вышла на улицу поговорить со мной. Нет, Джеки не мог жить здесь. Эти дома сгорели четыре года назад. «Это дурное место, — сказала она. Ткнула пальцем в мой репортерский блокнот. — Запиши. Скажи им, что с домами надо что-то сделать. Это плохо. Плохо для детей». Она дошла с нами до благотворительной столовки, сейчас закрытой тяжелыми металлическими ставнями. Прошло всего лишь несколько недель, как двое мальчишек из Центральной Америки были убиты возле этой столовки. Она показала рукой: «Та-та-та, из пистолета. Бах, бах! — сказала она. — Полицейские просто пристрелили ребят. Бах, бах!»

Джеки и я вошли в испанский погребок. Джеки взял пакетик испанских орешков, впервые позволив мне уплатить за него 39 центов. Он потянул меня за рукав и тихо, очень тихо сказал, что по правде он не живет на Игл-авеню. Нет, по правде он живет на Сэйнт Энн-стрит. Номер 637, если он точно помнит.

Номера 637 просто не существует. Теперь. Теперь это пустырь, заваленный битым кирпичом. Пахнет вафлями — где-то здесь маленькая пекарня, две собаки с выпирающими ребрами жадно нюхают воздух. Мы побрели вниз, к 152-й улице. Из пожарного крана капает вода, птицы и крысы сражаются за какие-то кусочки в куче мусора. Нет здесь номера 637, и про Джеки тут никто ничего не знает.

28 сентября.

Мы снова встретились в закусочной Бюргера Кинга. Джеки сказал, что не думал, что я приду.

— Почему? — спросила я. — Из-за того, что ты врал мне, где живешь?

Он улыбнулся. Сказал, что бабушка сейчас живет в деревне. А он живет у одного человека. У кого — он не скажет.

— Ты что, живешь у человека, который посылает тебя продавать травку? Я же знаю, что ты где-то живешь, — сказала я. — Ты каждый день меняешь носки, и курточки этой на тебе вчера не было.

— Вы думаете, вы здорово умная? — засмеялся он. А вот он, сказал Джеки, однажды поджег человека. Ну, не он один. Они с ребятами облили старика бензином и подожгли.

— Он умер? — спросила я. Нет, не совсем. Но старик подскочил, как черт из табакерки. Я сказала, что тоже видела эту сцену по телевизору.

— Ладно, взаправду мы этого не делали. Но мы кинули в старика спичку. Мы не подожгли его. Мы просто кинули на него спичку. Пальто не загорелось, но могло загореться.

Джеки опять заплатил за кофе сам, и мы вышли. Пошли по Бродвею. Он показывал мне наркоманов. Джеки ненавидит наркоманов.

У меня была лошадь, когда я жил там, где много травы. Я ездил на лошади вдоль домов, и там еще росли деревья. Но эти наркоманы сказали, что хотят покататься на моей лошади, а я им не разрешал, потому что они все время трясутся, слюни распускают, а моей лошади это не нравится. И я сказал им: перестаньте колоться, и тогда моя лошадь, может, полюбит вас и я вам разрешу. Но наркоманам нравятся их сны. И поэтому они в тот день не катались.

29 сентября.

Сегодня я позвонила в «Специальную детскую службу» и в «Общество помощи детям».

— Что бы вы сделали, — спросила я, — если бы вы встретили семилетнего мальчишку, который торгует марихуаной, не ходит в школу и живет с кем-то, кого вы не знаете, в месте, которое вы не можете найти?

— А есть у вас свидетельство о рождении? — спросили они. — Являетесь ли вы законным опекуном?

— Нет, я просто встретила его на улице.

— Он живет с вами?

— Нет.

— Нуждается ли он в особом уходе?

Я рассказала им, как встретила Джеки. Они позвонят мне позже, сказали они.

30 сентября.

Сегодня Джеки чем-то расстроен. Похоже, он потерял деньги, но не хочет мне об этом говорить. Тем не менее он настоял на том, что будет сам расплачиваться за обед. Мы сели за наш столик. Когда мы поели, он спросил, не хочу ли я сходить в кино. На «Звездную войну». Он уже смотрел ее шесть раз. Я сказала, что пойду. Он схватил мою папку, сунул под мышку. Когда мы переходили улицу, он впервые взял меня за руку.

— А скажи, то, про что «Звездная война», правда? А тогда почему там совсем нет черных? Как это так может быть, что совсем нет черных? Мне нравится старый волшебник Оби-Ван, потому что у него есть волшебная палочка, а я тоже хочу такую. Одну бы ему, а другую мне. Я тебе тоже дам ее подержать. Ты могла бы стать выше. Но для этого тебе надо бросить курить.

Мы шли по 42-й улице. На улице было полно детей. Маленьких. Восемь, девять, может быть, десять лет. Продавец соленых орешков у «Недикса» называет их «маленькими уголовниками». Торчат у «Лирик-тиэтр», разглядывают афиши. Если вы спросите, почему они не в школе, ответят: «А мы в двенадцать кончаем». Но ни книг, ни ранцев не видно. Выклянчивают мелочь на пончики. Пытаются зайцами проникнуть в кинотеатр, билетерши гоняют их.

Под объявлением, гласящим: «Они не хотели убивать. Они не хотели умирать. У холмов есть глаза», стоит молодой пуэрториканец, качает на руках младенца. Младенец спит. К пуэрториканцу боязливой походкой приближается молодая женщина со шрамом на лице — от правого глаза к углу рта. Пуэрториканец бьет ее ногой в низ живота: «Сколько денег получила?» Женщина умоляюще говорит: «Не надо, не надо!» Пуэрториканец снова бьет ее ногой.

1 октября.

Из «Специальной детской службы» так и не позвонили. Я позвонила им сама. Они сказали, что передадут мое заявление общественнику, если

тот не позвонит мне после обеда, то уж точно — в понедельник. (Именно это они говорили мне и вчера.)

Я позвонила миссис Поттрак, советнику-воспитателю двенадцатого района. Она сказала мне, что «Общество помощи детям» не будет заниматься Джеки и чтобы я привела его к ней. Она знает о таких детях. Но, сказала она, система, которая призвана помогать им, только губит их. Я должна убедить его прийти к ней. Я сказала, что попытаюсь.

3 октября.

— Нет, нет, ни за что не пойду, — кричал он. — Ты противная, глупая, ты плохая! Я не хочу, не пойду. Я не люблю ходить в школу. А эта леди хорошая? Как ее зовут? Она любит детей? Я знаю, она людоедка, она ест детей!

В конце концов он согласился встретиться со мной у миссис Поттрак. Я прождала его полтора часа. Он не пришел. Мне позвонила миссис Коннолли из «Специальной детской службы». Она сказала, что случай Джеки — дело полиции. «Ведь у нас нет даже его адреса, — заявила она. — Как его фамилия? Уотсон? Ах, у нас в списках так много Уотсонов! И вообще, этим делом должна заниматься полиция».

4, 5, 6, 7 октября.

Я ждала его в закусочной Бюргера Кинга. Спросила у продавщицы жареного картофеля, не видела ли она Джеки. «Нет, — сказала она. — Вот уже пять дней, как он здесь не показывается».

10 октября.

Я увидела Джеки на углу 86-й улицы и Бродвея. Он тащил сумку, набитую пакетиками. Пошла следом за ним. У 82-й улицы он вдруг остановился, обернулся:

— Не думай, что я тебя не заметил. Ты плохая шпионка.

— Да, я плохая шпионка. Но где же ты все-таки был? Я тебя искала...

— Я был у Марти. Он мой друг. Он живет в гостинице с лифтом. Его мать здорово дерется. Особенно когда выпьет. Но меня она никогда не бьет. Я таскаю ей холодный «Будвейзер». Мне не нравится, когда ты говоришь всю эту чушь про школу. Мне не хочется в школу. Зато ты можешь повести меня куда-нибудь, где растут деревья, в Центральный парк. Там растут грецкие орехи. Только сейчас жарко. Давай перейдем на ту сторону. А то вон идет человек, который меня не любит. Я стащил у него зонтик.

Мы сели на скамейку у музея Естественной истории.

— А знаешь, у меня есть телефон. Я мог бы звонить тебе туда, где ты живешь. А в твоем доме живут дети, у которых есть папа? У некоторых людей ведь нет, ты знаешь. А мой папа летает на самолете, который пишет буквы на небе. Такой большой, круглый самолет. Ты можешь меня на нем покатать? Нет, не простой самолет, а такой круглый, как воздушный шарик.

12 октября.

Отель «Опера» на Бродвее, между 77-й и 78-й улицами. Здесь живет Марти, друг Джеки. Я постучала в дверь на четвертом этаже. В щель высунулась женская голова. Алма, мать Марти.

— Я не буду говорить ни с одним общественником! Не суйте нос не в свои дела! И оставьте меня в покое! А то ходят тут всякие, только сосут мое пиво!

Я ушла, вернулась с шестью банками «Будвейзера». Тогда она меня впустила. В маленькой комнатушке стояли рядом две кровати и телевизор. Больше ничего. Она пригласила меня сесть на постель. Сама пристроилась рядом. Залпом выпила пиво, протянула банку и мне.

— Хорошо! — воскликнула она, когда я отказалась. — Останется на завтра.

Да, она знает Джеки. Уже семь месяцев. Он чудесный мальчик, он часто дает ей в долг долларов по десять, пока не придет пособие по безработице.

— Он дает мне деньги, и я всегда возвращаю долг. Сразу же. Иду, получаю деньги по чеку и даю десять новеньких долларов Джеки. Я так и говорю кассиру: «Дай мне десять новеньких бумажек! Вот так! Один-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять-десять!» Вот как я говорю. Десять, для моего мальчика Джеки. А где он живет — не знаю. Спросите у Марти. А я его только здесь и вижу. Он к Марти приходит. И в мои дела не лезет. Сидит себе, смотрит телевизор, когда банку супу съест. Народ тут шумный, буйный. Я к вечеру наглухо запираюсь, говорю Марти, чтобы он дотемна приходил, а то, как стемнеет, я никому не открываю. Никому. Эти, из соцобеспечения, должны бы мне побольше денег давать, а то иногда не запрешься как следует, так постояльцы врываются, деньги отбирают. Джеки мне тут на днях яблок принес и еще один какой-то фрукт, гавайский, не помню, как называется, а я даже съесть их не могла, у меня ведь ни одного зуба крепкого не осталось, а мне только тридцать три.

Тут постучали. Мы замерли. Она на цыпочках подошла к двери, прижалась щекой, поманила меня. Мы услыхали тяжелое дыхание. По двери полз таракан, переполз на грязный шарф, замотанный у нее на голове, она смахнула таракана, задела дверь.

— Крошка, я же знаю, что ты здесь, — раздался мужской голос за дверью. — Ах, крошка, крошка, крошка, я ж знаю, что ты здесь! — Мужчина засмеялся. Мы услыхали его удаляющиеся шаги, он мурлыкал: — Ах, крошка, крошка, крошка...

— Чертов пьяница, — сказала она. — Чертов пьяница. Я когда-то хорошенькая была, это теперь ни на что не гожусь. — Она потрогала дряблую, морщинистую шею. — И все равно я пьяниц не выношу.

Пришел Марти. Для своих десяти лет он мал ростом. На толстом лунообразном личике сверкают глазки-буравчики. Внимания на меня не обращает, говорит матери: «Привет, Алма!» — и прямиком к телевизору.

— Подожди, не включай, сынок, — говорит мать. — Эта леди хочет узнать про Джеки. Она мне пива принесла.

Марти улыбается мне, садится рядом на кровать. Джинсы у него драные и грязные.

— А вы мама Джеки, да, леди? Он сказал мне, что вы купите ему лошадь. Я тоже хочу.

В школу Марти не ходит. Вообще-то он записан в нее, но никогда не ходил.

— Да пойдет, если всыпать ему ремнем хорошенько, — говорит Алма, но добавляет: — Они там все время сидят в тепле, а он у меня и так толстячок. И потом они все время там кино крутят, так ему потом кошмары снятся. Правда, Пончик?

Марти сказал, что Джеки его лучший друг и они всегда покупают мороженое, когда ходят гулять по 42-й улице. Платит всегда Джеки, потому что у него есть работа, да он и Марти может работу достать тоже. Да, Марти видел человека, у которого Джеки живет.

— Нет, он ему не папа. Этот человек толстый, высокий, и у него много денег в большом кожаном бумажнике. Он хороший, всегда дает доллар, если скажешь ему, что кто-то поднимается по лестнице.

15 октября.

Джеки позвонил мне утром — впервые за все время нашего знакомства. Мы решили встретиться в парке Вашингтона.

Я взяла Джеки в гости к моим приятелям. У них показывали фильм «Запрещенные игры» — про пятилетнюю девочку-француженку, у которой во время войны убили родителей и ее взяла к себе крестьянская семья. У них был одиннадцатилетний сын, и вот эти окруженные войной дети играли в такую игру — строили склепы для мертвых животных.

Потом, когда мы шли к метро, Джеки сказал:

— Мне кино понравилось. Эти дети, война. Мне нравится, что они делали могилки для зверей, это хорошо, бог этому радуется. Бог туда прийти может. А вообще, это правда? Я видел кладбища для людей, с большими ангелами сверху, и все могилки так близко друг от друга! А там, под землей, хорошо! Там люди курят сигареты, поют, веселятся, и мы все потом туда спустимся, когда умрем. Так мне бабушка говорила. Ты понимаешь, она не умерла. Она поехала в такое место, где много травы, и там у нее перестанут болеть руки, и морщинки спрячутся. Где она сейчас, там деревья растут, трава. Вот твой отец, он умер? Значит, он сейчас под землей, там хорошо, весело, там он сигару курит. А моя бабушка не там.

20 октября.

Я не могла найти Джеки. Вчера вечером я зашла в отель «Опера» повидать Алму. Ее не было, зато Марти был дома. Да, он видел Джеки. Но... Марти явно не хотел говорить. В общем, Джеки сказал, что я «опасная». Опасная?!

— Ну, это не Джеки сказал, это Тони сказал Джеки, чтобы он с вами не встречался, потому что вы опасная.

— А кто это Тони?

— Это тот, у которого живет Джеки. Ну, не тот, который его папа. Он не хочет, чтобы Джеки с вами встречался. А вы все еще хотите купить Джеки лошадь?

22 октября.

Вилма Монтес живет в юго-восточном Бронксе на улице без названия. На ее доме, единственном целом на улице, написано: «Батчер Бар, 21». Она не позволила мне подняться по лестнице, и мы разговаривали на улице. Я сказала ей, что женщина из магазина игрушек Адама Хэтса прежде жила на Сэйнт Энн-стрит и припоминает маленького мальчика, жившего с бабушкой. Похоже, что их звали Уотсоны. Женщина из магазина также вспомнила, что у них была соседка Вилма Монтес по кличке «Лола».

Вилма «Лола» Монтес смерила меня взглядом: «У вас есть телефон?» Я дала ей номер. «Я позвоню, если мне удастся что-нибудь вспомнить».

24 октября.

Вилма Монтес рассказала мне все, что знала о Джеки. Джеки действительно жил на Сэйнт Энн-стрит. И у него действительно была бабушка. Вилма в точности не знает, но, наверное, старая женщина уже умерла. Она была очень, очень старая. Вилма даже считает, что это была его прабабушка. Родителей Джеки Вилма никогда не видела, да и не слыхала о них ничего. Видно, Джеки всегда жил с бабушкой. У них была вполне приличная квартира, но потом хозяин дома отключил отопление. Это случилось что-то около двух лет назад. И тогда бабушка заперла все комнаты, оставила только кухню и ванную. И даже тогда в доме была чистота, и крыс она выводила. Бабушка любила читать, она и Джеки научила читать и писать свое имя. Джеки был записан в библиотеку, и бабушка часто посылала его за детективами Агаты Кристи.

Бабушку мучил острый артрит, и однажды, когда ей пришлось лечь в больницу, она оставила Джеки на Вилму. Когда Вилма возвращалась домой, ее всегда ждала приготовленная Джеки тарелка супа, крекеры — вот какой это был мальчуган! Через месяц старуха вернулась из больницы, и вот тогда в доме случился пожар. Вилма сказала, что бабушка и Джеки спали вместе на топчане, подвинутом поближе к электроплитке. И одеяло загорелось. Бабушка сожгла себе все ноги. А «скорая помощь» прибыла только спустя двенадцать часов. «Это случилось ночью. И, что бы там ни говорили, полиция и «скорая помощь» никогда не суются в этот район ночью».

После пожара Джеки сбежал. «Мы не видели его три-четыре недели. Бабушка просила меня приглядывать за ним. Но кто же, боже мой, знает, как найти этого постреленка?»

Он пришел домой через два дня после бабушкиного вторичного возвращения из больницы. Вилма помнила, что у бабушки была приятельница где-то в Бруклине. И эта женщина решила приискать Джеки и бабушке жилье где-нибудь рядом, в Бруклине. Но Джеки и его бабушка так и не переехали в Бруклин. Наркоманы, хозяин или еще кто, неизвестно, однажды вечером подожгли дом. И все, кто был в нем, сгорели. Джеки же в этот вечер где-то болтался. Вилма считает, что бабушку спасли и что эта ее приятельница из Бруклина определила ее в какой-нибудь дом для престарелых. Женщина из Бруклина приходила на развалины каждый день — все надеялась найти Джеки, но он больше не показывался. Вилма думает, что, когда Джеки в тот вечер пришел домой и увидел, что дом сгорел и никого больше нет, он убежал навсегда.

«Бедный малыш, — сказала Вилма. — Я сама пробовала его найти. Если вы его встретите, скажите, что Лола ждет его. Сделайте это, хорошо? Боже мой, у меня в доме с местом негусто, но я всегда приму его. У меня семеро детей, и я все равно подыскиваю жилье попросторней. Пособие — не такое уж подспорье. А на прошлой неделе, когда я ездила навестить мою сестру, ворвались наркоманы и сперли мою плитку. Я позвонила чертовым общественникам. Вы знаете, что они мне сказали? Они сказали: «Ну, значит, у вас теперь все в порядке, миссис Монтес. На той неделе вы звонили и говорили, что у вас больше нет газа, чтоб готовить. А теперь вы говорите, что у вас украли плитку. Значит, вам уже не надо заботиться о газе». Да, у всех у нас проблем хватает. Но все же, если вы увидите Джеки, скажите ему, что я жду его».

Один из сыновей Вилмы, подросток, проводил меня до метро. «Эти сволочи собираются все здесь сжечь, — сказал он. — Господи, да зачем им это надо? В один прекрасный день здесь все сгорит, а они еще будут удивляться, что это мы все протестуем-волнуемся. Вот бы всех этих чертовых политиканов самих поджарить!»

12 ноября.

Марти сказал, что полчаса назад видел Джеки в закусочной Бюргера Кинга. Он был там, сидел у окна. Я подошла, он вскочил, взял мою сумку, открыл, вынул часы с мультяшной собакой, маленький зеленый мячик, теннисную ракетку. Ну вот, это именно то, что он хотел, сказал он. Только жалко, что часы не на желтом ремешке, он хотел бы на желтом. «Возьми часы, — сказала я. — А в следующий раз я принесу тебе желтый ремешок». — «Нет, ты часы забери, а когда опять принесешь, с ремешком, я опять удивлюсь. И ты так меня все время удивлять будешь, хорошо?»

Мне надо было идти по делам, и мы договорились встретиться во вторник около музея Естественной истории. Но я его больше никогда не видела.

16 ноября.

В среду я говорила с продавщицей жареного картофеля у Бюргера Кинга. Она сказала, что видела Джеки во вторник вечером. Он сидел у окна вместе с высоким, хорошо одетым мужчиной. Мужчина что-то сердито говорил. «Джеки плакал?» — «Нет, — сказала она. — Джеки сидел маленький, прямой и гордый».

Ты знаешь, мне сны все время снятся: как будто за мной гонится чудовище с большими зубами, оно уже хочет укусить, но у меня на ногах вырастают крылья, и я улетаю. Я лечу высоко-высоко, и мне кажется, что я совсем от него улетел, а у чудовища тоже крылья вырастают. Мне очень страшно, но тут я всегда просыпаюсь. Ты думаешь, оно меня все-таки когда-нибудь поймает? Наверно, это случится, если я не проснусь. Но пока я всегда просыпаюсь.

Перевела с английского
Н. ТУМАНСИНА

Эти две фотографии мы взяли из западногерманского журнала «Штерн». Они иллюстрировали материал, в котором содержались рассуждения на тему: как научить детей обращаться с карманными деньгами, дабы воспитать в них качества, потребные нормальному будущему потребителю.

Семья Гладтфельдов предъявила корреспондентам «Договор о тарифах на 1979 год между родителями и детьми»: «Принято к исполнению следующее:

1. Родители обязуются увеличить доселе выдававшуюся на карманные расходы сумму в 30 марок на 16 процентов каждому из детей, то есть она составит теперь 39,80 марок.

2. К началу летних каникул каждому ребенку будут выданы отпускные деньги (по 25 марок).

3. Дети обязуются тратить на каждодневные нужды лишь необходимую сумму, а остальное в конце месяца откладывать в копилку.

4. Этот договор вступил в силу 1.1.1979. Его условия могут быть изменены не раньше чем 30.XII.1979, то есть к концу года.

Подписи...»

МАЛЕНЬКИЕ ВЫМОГАТЕЛИ

Уилл СТЭНТОН,
американский журналист

Деньги, деньги... Наверное, когда их не было, было все-таки проще. Уж во всяком случае, «древние» родители не ломали себе голову над тем, за что больше платить детям — за мытье окон или мытье ушей. И не только потому, что окон как таковых просто не было, да и уши мылись достаточно нерегулярно. Прежде всего не было людей, которые получали что-нибудь ценное, не прилагая никаких усилий. Детям не с кого было брать дурной пример. Зато теперь таких примеров в жизни буржуазного общества достаточно. И дети делают немудреный вывод: главное — делать деньги. Заметьте, не делать что-то, чтобы заработать деньги, а просто делать деньги, предпочтительнее всего ничего не делая...

Прошлой весной я взял Роя с Сэмом и их друзьями на футбол. Один из ребят, Снуки Х., возьми да и начни продавать сверстникам леденцы на палочках. Я, понятно, молчок. А что скажешь? Свободное предпринимательство! Но вот что насторожило меня: когда Снуки собирал мзду, кто-то спросил его, не разменяет ли он десятидолларовую бумажку, и Снуки деловито поинтересовался: «А какими тебе?» Ребятишкам, замечу, по десять-одиннадцать лет. Если не меньше.

— Откуда им знать цену деньгам, — говорю жене Мэгги, — когда им все подносят на голубом блюдечке?

И я взял книжки по педагогике. Один автор советует давать детям мелочь на карманные расходы. Второй возражает — ни под каким видом! Нельзя, мол, развращать подростков.

Второй автор Рою не понравился.

— Не сечет он, — сказал мой сын. — И обложка его книги, смотри, дурацкая — зелененькая какая-то.

Объясняю ему, что нельзя судить о книге по обложке. Не верит.

— Скажешь тоже! По-твоему, выходит, что если на обложке написано «Грамматика», так внутри окажутся арифметические задачки?

Я рискнул проигнорировать предостережения второго автора и стал давать детям деньги на карманные расходы. В субботу утром я выдал каждому по 50 центов. К обеду от них остались одни воспоминания. «Учитесь экономить, — вразумляю я транжир. — Этой суммы вам должно было хватить на неделю».

Рой заявляет, что прожить на 50 центов в неделю невозможно. Особенно если ты любишь пузырящуюся жвачку.

— И даже если ты ее терпеть не можешь, — добавляет Сэм.

...Далее автор предлагал, чтобы подростки зарабатывали какие-то деньги, подстригая газоны, моя окна и т. д. Все это прекрасно, но вот в чем беда: стоит подростку прослышать про оплачиваемые работы, как он тотчас потребует, чтобы ему платили всегда и везде. Мне, например, пришлось составить длинный перечень дел, выполняя которые мои сыновья не могут рассчитывать на вознаграждение. «Не оплачивается: аккуратное складывание одежды на стуле перед сном, принятие ванны, ответы по телефону, глотание витаминов...»

Рой счел такой подход нечестным.

— Ты ведь платишь за мытье окон. Почему же ты отказываешься платить за мытье ушей?

— А ведь если разобраться, — встревает Сэмми, — так за второе надо платить больше. Уши-то вымыть труднее.

Они так заморочили мне голову, что я в конце концов согласился оплачивать любую их помощь по дому.

— Только давайте по справедливости, — заявил я. — Сделаете что не так — платите штраф. Забудете включенным электроодеяло — 20 центов. Не закроете тюбик с зубной пастой — 5 центов. Хлопнете дверью — 10 центов. Перечисление заняло у меня два листа. В конце первой недели Рой задолжал мне 7.75, а Сэмми — 11 с лишним. У меня опустились руки.

В моем детстве родители давали мне десятицентовую монету за каждую отличную отметку в четверти. Тут все было без обмана. А попробуй-ка в наши дни убедить ребенка в том, что образование непременно ассоциируется с благополучием! Да они тебе моментально ткнут пальцем в какого-нибудь трюкача-мотоциклиста, который за один прыжок через каньон Снейк-Ривер зарабатывает больше, чем президент США за несколько лет.

Однажды наш Сэмми списался с фирмой, обещавшей денежное вознаграждение или приличный приз тому, кто продаст столько-то пакетиков ее семян в своей округе. Фирма прислала буклет с картинками, на которых малолетние агенты из Нью-Джерси и Иллинойса горделиво похвалялись: «Неделя приятной работы, и вся моя семья получила клюшки для игры в крокет!»

Неплохо, правда? Сэм, ясное дело, послал заявку. Когда пришли семена, он битый день потратил на то, чтобы обойти весь наш квартал. А результат?

— Как тебе это нравится? — говорю вечером Мэгги. — Хорош народец!

— Знаешь, — отвечает Мэгги, — если ему не удалось всучить ни одного пакетика собственному отцу, чего, спрашивается, ожидать от чужих людей?

А вот история, как Рой работал разносчиком газет. Между прочим, кто обожает рассказывать о том, как они мальчишками разносили газеты, так это политики! Я подозреваю, что эта хлопотная работенка служит неплохим трамплином для политической карьеры: увидит сынок в окно, что на улице слякоть, — и выгоняет под дождь доброго папочку... Судите сами.

Рою предстояло пробыть разносчиком месяца два, на время школьных каникул. Я согласился подменять его на случай болезни. Чем я, собственно, рискую, думалось мне, лето, теплынь... Так вот, за эти два месяца у ребенка случилось несколько затяжных простуд, нарыв на пальце, растяжение голеностопного сустава, прострел и, если мне не изменяет память, воспаление тройничного нерва и гематома на лодыжке. Кончилось тем, что я знал маршрут куда лучше его самого. Три раза в неделю я опаздывал по утрам на работу, а во время шестичасовой программы теленовостей постоянно клевал носом. Как положительный момент, однако, следует отметить, что отдых пошел мальчику на пользу. С началом занятий в школе он ни разу не заболел.

Между прочим, в начале осени мне случилось пригласить своих деловых партнеров позавтракать. Очень важно было произвести на них благоприятное впечатление, поэтому я заказал столик в самом шикарном ресторане. И, надо сказать, официантка обслужила нас ну прямо так, словно имела дело с важными персонами. Мои гости были приятно удивлены.

— Наверное, у вас большой вес в городе? — спросил один из них. — Или, может быть, официантка — ваша старая знакомая?

— Да что вы? — говорю. — Я ее впервые вижу.

— Вот уж нет, мистер Стэнтон, — улыбается официантка. — Разве вы забыли? Вы же этим летом разносили газеты в нашем квартале.

СКОЛЬКО ЦЕНТОВ В МИЛЛИОНЕ ДОЛЛАРОВ?

Джудит ВАЙОРСТ,
американский педагог

Мои сорванцы перешли на самоокупаемость. Начали они с лотка, где продавали лимонад, и прогорели (не сезон!). Промашка вышла и с домашними пирожками (подвели пропорции). Вяловато, прямо скажем, шла торговля старыми игрушками на лестничной площадке. (Была также предпринята попытка продать кое-что из ненадеванной одежды, но я оказалась начеку.)

Я стараюсь охладить их буйное воображение всякий раз, когда дело касается денег. «Можно подумать, — ворчу я, — нет ничего занимательнее в жизни, чем подсчитывать, сколько центов в миллионе долларов». А они гнут свое: дай, мол, нам подзаработать.

И я дала.

Что из этого вышло?

Вооружась порошком «Уайндекс», они драят не столько стекла, сколько друг друга. Поливая цветы, они поливают ковер. Выбрасывая отбросы в мусорный ящик, они в семи случаях из десяти промахиваются. (В остальных трех случаях ведро летит в мусорный ящик вместе с отбросами.)

Столовые приборы одноразового пользования исчезают бесследно, не успев выполнить своего назначения. Мои помощнички скармливают коту Тиму головокружительный филей. Свои ботинки они чистят в умывальнике. Там же однажды обнаружилась и моя лучшая блузка, на ярлыке которой с трудом можно было еще прочитать: «Только сухая обработка!»

Тони получает 10 центов за то, чтобы почитать (не без улещивания) несколько тонюсеньких книжек Александру перед сном. Александр зарабатывает 5 центов просто на том, что лежит с закрытым ртом во время чтения. Таким образом, отдыхаю я, работают их мозги, а главное, крепнут узы великой братской любви.

А как-то я заплатила Александру за то, чтобы он принес домой мой костюм из прачечной. Недолго думая, он водрузил сверток себе на голову. Уронил его. Опять водрузил. И так несколько раз. Затем он за неимением мяча продемонстрировал с помощью свертка технику футбольной обводки. Для полного счастья осталось только прокатить костюм за веревочку по пыльной дороге... что и было им с блеском исполнено.

— И это называется выстирали! — возмутился он, как ни в чем не бывало протягивая мне жалкую тряпицу. — Знаешь что, дай мне еще десять центов, и я отнесу его обратно.

Вот что из всего этого вышло!

Зато я извлекла кое-какие уроки!

1. Пора пересмотреть наши представления о «хорошо выполненной работе». Если за это время ребенок не сломал ногу и дом не сгорел, а подвал затопило всего лишь наполовину, радости нашей не должно быть предела.

2. За что бы дети ни брались, застилайте пол газетами. Хуже не будет.

3. Не допускайте выполнения порученного дела «по очереди». Если трое подростков возьмутся кормить кошку по очереди — один сегодня, другой завтра, третий послезавтра, — считайте, что кошки у вас нет. Каждый день они будут сваливать работу друг на друга.

4. Не надо бояться повторять свои просьбы снова и снова. Например, ваш сын идет к машине за пластиковым пакетом. Вы говорите ему: «Осторожно, там лампочки». Потом приходится напомнить: «Не размахивай так пакетом — в пакете лампочки!» И наконец: «Будь осторожен, подбирая стекла. Не порежься!»

5. Нельзя быть таким наивным, чтобы ожидать от того, кому вы поручили дело, что он его непременно выполнит. Скажем, я плачу Тони десятицентовик, чтобы он подмел на кухне. Он, в свою очередь, нанимает Ника за пять центов на ту же работу. Ник перепоручает это дело Александру за три цента. В результате у всех у них в кармане побрякивает мелочишка, а грязи под кухонным столом ничуть не убавилось.

И самое главное. Привыкнув работать «не за так», ваши дети рано или поздно превратятся в вымогателей. В один прекрасный день, идя спать, ребенок потребует с вас доллар в качестве платы за сыновний поцелуй. Тогда, хочешь не хочешь, придется сказать ему: «Не все в жизни измеряется деньгами. Любовь, например, не измеряется».

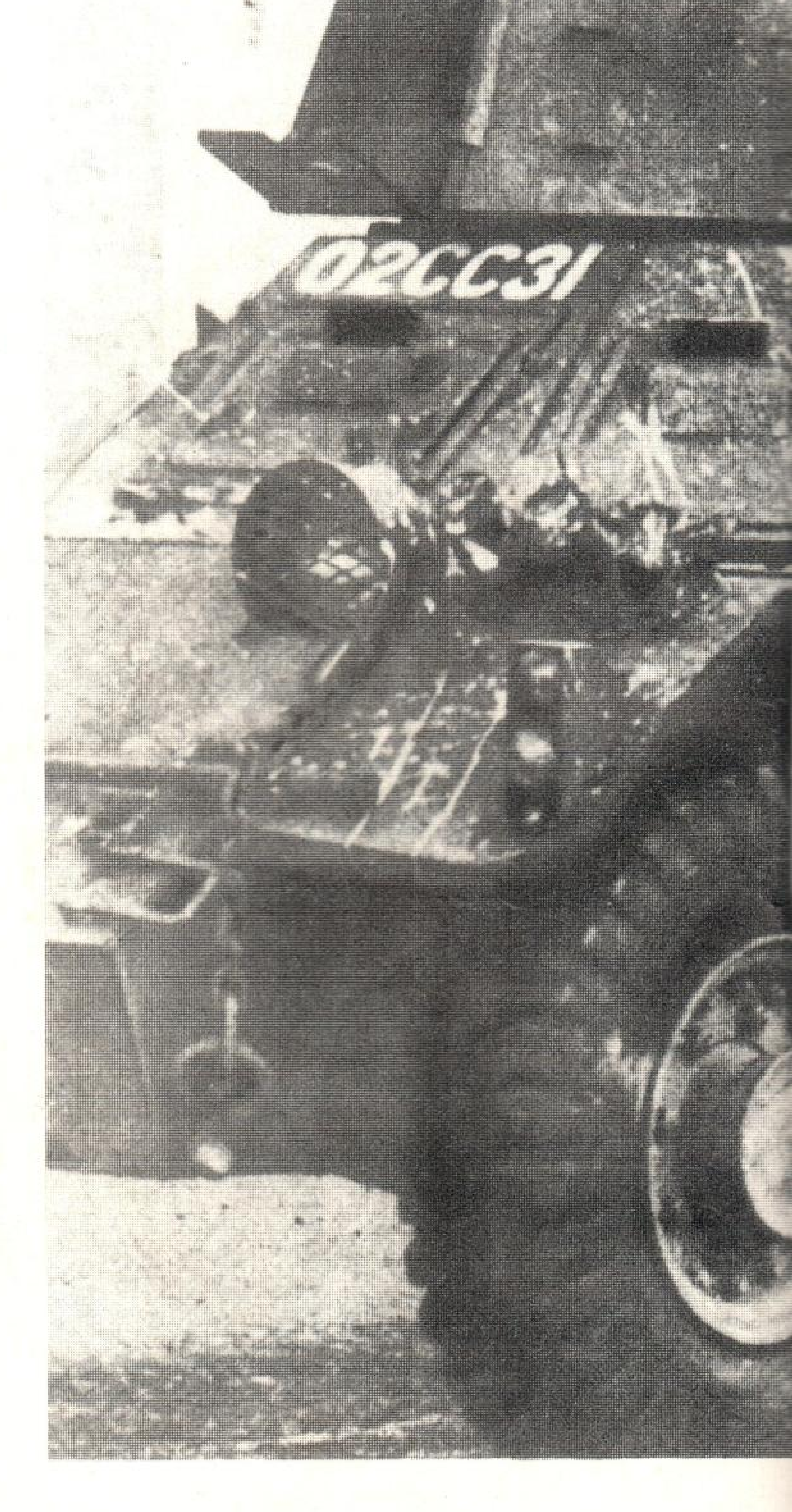
— Правда, мамочка? — разулыбается ваш сын, и — заметьте — бесплатно!

Перевел с английского Сергей ТАСК

—Макбрайд?
— Есть.
— Маккей?
— Отсутствует.
— В чем дело?
— Сегодня среда. Ее мать отправилась навестить отца в Лонг-Кеш, а Фиона осталась присмотреть за младшими сестрами.
— Так... О'Тул?
— Тоже отсутствует.
— А с ним что случилось?
— Вчера после уроков арестовали солдаты. Говорят, бросал в них камнями.
— А у тебя почему такой усталый вид, Шон?
— Да всю ночь шел обыск. Как-то не до сна было.

Кэтрин обвела глазами класс. На первый взгляд казалось, на нее смотрели такие же подростки, каких она учила в дублинской школе. Но это только на первый взгляд. Если же внимательно приглядеться, между ее прежними и нынешними учениками была огромная разница. В Дублине она имело дело с детьми, а здесь перед ней сидели практически подстерегающую за каждым углом на пути в школу и из школы, по дороге к друзьям или в магазин. Щеку Лиама пересекает кривой шрам — след резиновой пули, пущенной английским солдатом во время разгона демонстрации. Шеймас хромает: на всю жизнь остался калекой, после того как взлетел на воздух овощной магазин, куда его послала мать. Хорошо еще, что не успел подойти близко, а то бы не было среди них сейчас веселого, скорого на выдумку Шеймаса. У Кахла сломана рука: во время обыска в их доме его ударил прикладом солдат, зло бросив: «У-у, волчонок». Да и те, у кого нет видимых увечий, изломаны, искалечены. Десять лет оккупации Северной Ирландии английскими войсками наложили на всех неизгладимый отпечаток.

Подруга Кэтрин, учительница младших классов, как-то показывала рисунки своих учеников. Пожары, руины разрушенных взрывами зданий, затаившиеся, как хищные звери, броневики и солдаты с автоматами наперевес, в противогазах, с про-

«РАЗ УЖ ИРЛАНДЦЫ, ЗНАЧИТ, ВИНОВАТЫ»

Юрий УСТИМЕНКО

уже взрослые люди с ранними морщинками на лбу и тенями тяжелой, недетской усталости под потухшими глазами. У многих пальцы на руках в желтых пятнах никотина от бесконечных сигарет. Курят даже девочки, часто и помногу, прикуривая новую сигарету от старой, жадно затягиваясь и небрежно посыпая пеплом все вокруг.

Это дети Креггана, одного из католических гетто Дерри. Дети многострадального Ольстера, исторической провинции Ирландии, три графства которой вошли в 1921 году в состав суверенного ирландского государства, а шесть остались под властью Англии. Дети ирландцев, чьи судьбы решаются в Лондоне. Как восемь столетий назад, когда английские войска вступили на ирландскую землю, положив начало Британской колониальной империи. Империи уж нет и в помине, но северо-восток Ирландии по-прежнему наводнен английскими войсками.

На долю детей Ольстера выпали облавы, обыски и аресты, перестрелки днем, взрывы бомб и автоматные очереди по ночам. В свои 14—15 лет они познали смертельную опасность, зрачными щитками, защищающими от летящих камней, солдаты у дома, солдаты стреляют с колена, солдаты ведут арестованных, солдаты, солдаты, солдаты. Детей окружает война. Война часто незримая, притихшая, но всемогущая и вездесущая, как невидимый всесильный бог, о котором беспрестанно толкуют священники. Дети не знают иной жизни, кроме страха за себя, родных, близких и товарищей, грохота стрельбы и взрывов, и дети пугаются тишины, потому что тишина таит новые неожиданные опасности.

Английские власти утверждают, что армия в Ольстере, дескать, «держится в стороне и старается быть незаметной». Но как не заметить военный патруль в пятнистых комбинезонах на фоне мирных домов и редкой зелени? Можно ли не услышать ночную стрельбу? Не увидеть солдат, перебегающих задними дворами, топчущих палисадники, разгоняющих играющих детей? Да и уж точно — «обратишь внимание» на грохот приклада в дверь твоего дома, когда перед рассветом армия жалует в гости с обыском.

На вершине холма, по крутым склонам которого растеклись двухэтажные домики Креггана, дислоцирована рота. Солдаты одного из полков английской армии отбывают четырехмесячный срок службы в Ольстере. Позднее они вернутся в состав Рейнской армии в ФРГ, где самая большая неприятность — напиться и угодить на гауптвахту, а в Северной Ирландии день за днем, круглые сутки — изнуряющее напряжение. Наблюдение за домами подозреваемых: сколько бутылок оставил сегодня поутру молочник у двери и не видно ли кого из посторонних, патрульная служба, облавы, обыски и аресты под плач детей и женщин, под град проклятий.

В промежутках — одуряющая казарменная скука. Наливаются пивом и виски и балдеют от невозможности просто выйти на улицу, затеряться в толпе, сходить в кино или на танцы, вновь почувствовать себя молодыми здоровыми парнями. И рядовой Эдвард Мэггс поднимает автоматическую винтовку и разряжает обойму в своих товарищей. В завязавшейся перестрелке его убивают. Страшная своей бессмысленностью смерть. Говорят, сдали нервы. Или,

может быть, есть иное объяснение? Ведь никто из этих парней, одетых в военную форму, никак не может понять: зачем британские солдаты на британской территории стреляют в британских подданных? Вокруг такие же неприглядные дома, как в рабочих кварталах Манчестера или Ливерпуля, и цвет кожи у людей не темнее привычного, что окончательно сбивает с толку старых вояк, поднаторевших в расправах с туземцами под далеким жарким солнцем.

В брошюрах, которые расторопно рассовывают сержанты перед прибытием солдат в Северную Ирландию, все объясняется слишком просто: «Армия ведет борьбу с террористами». Но кто же эти террористы? Вот этот паренек в джинсовой куртке, стоптанных сапогах и коротковатых заношенных брюках, наверняка доставшихся от старшего брата? Или молодая женщина с детской коляской, тонко поскрипывающей на ходу? Видно, нет дома хозяина, чтобы смазал как следует. Неужели эти двое мужчин, вышедшие под руку из пивной «Телстар» и не очень уверенно чувствующие себя на твердой земле, — террористы? Они ли враги? Или враг — это английский солдат, вторгшийся на ирландскую землю незваным гостем и пытающийся установить порядки, которые явно не по нраву ирландцам?

В этом районе Креггана, где сейчас находится ротный штаб, раньше располагался свинарник, и, когда по улицам топает патруль, можно услышать: «Да это свиньи из того свинарника на холме». Солдаты — это чужаки, пришельцы. Им нет места на ирландской земле. Но Лондон не может обойтись без весомого военного присутствия в Ольстере. В противном случае он утратит контроль над мятежными ирландцами. Ирландия, первая колония Англии, непокорная Ирландия, доставившая немало хлопот английским правителям в прошлом, и в наши дни отказывается подчиниться чужой воле.

И в этой атмосфере крайней напряженности и вечного страха растут дети. С малых лет они постигают искусство прятаться, скрывать свои чувства, быть постоянно начеку, потому что в любой момент, может, придется искать укрытия от пуль или обломков взлетающих на воздух зданий. Неудивительно, что отношение школьников к солдатам однозначно. Когда кончаются занятия и группы ребятишек в синих куртках с серыми воротниками из искусственного меха выбегают на улицу, они забрасывают камнями первый же попавшийся на глаза патруль. Мальчишки прекрасно знают, что в ответ могут полететь не только резиновые, но и свинцовые пули, но поступить иначе просто не могут.

Редко можно встретить парня 14—15 лет, которому удалось избежать ареста и допроса в армейских казармах или полицейском участке. А там не привыкли разбираться в тонкостях возраста: полицейский врач Роберт Ирвин, обследовавший на протяжении ряда лет арестованных в «центре допросов» Каслри в Белфасте, заявил, что имеет неопровержимые доказательства пыток заключенных.

Мальчишки бросают камни в солдат... В Креггане невозможно найти семью, которая не пережила бы ночного обыска, когда выволакивают из постели больного ребенка, взламывают половицы, выкручивают руки, давят тяжелыми коваными ботинка-

ми игрушки, уводят отца и мать. Трудно найти семью, где кто-нибудь из близких родственников не арестован и не брошен в концентрационный лагерь Лонг-Кеш, ничем, по сути, не отличающийся от подобных заведений фашистской Германии, разве лишь без газовых камер и крематория.

За колючей проволокой Лонг-Кеша под охраной автоматчиков и овчарок, натасканных на охоту на человека, содержится свыше тысячи заключенных, и дважды в неделю — по средам и субботам — из Креггана отправляется специальный автобус с матерями, женами, сестрами и детьми сосланных бессрочно в концлагерь. Более трехсот узников находятся в страшных «блоках Эйч», и им свидания с близкими запрещены. Это «люди в одеялах», как прозвала их печать, потому что они отказываются носить тюремную одежду и вынуждены круглые сутки кутаться в тонкие казенные одеяла. Не первый год они ведут борьбу за предоставление им статуса политических заключенных и готовы к любым испытаниям ради достижения своей цели.

Но английские чиновники делают круглые глаза, когда речь заходит об узниках «блоков Эйч». «Политические заключенные? — удивленно переспрашивают холеные служащие Уайтхолла, где расположены важнейшие министерства Англии. — Помилуйте, у нас нет и не может быть никаких политических заключенных. Ведь вы же знаете, что у нас гарантируются все демократические права и гражданские свободы. О каких политических заключенных вы говорите?» И те же английские чиновники сочли необходимым начать широкую пропагандистскую кампанию в Англии и за ее пределами, чтобы как-то выгородить и обелить действия властей. Посольства Великобритании за рубежом получили для распространения в печати брошюру, в которой говорится, что ужасающие условия в «блоках Эйч» вызваны... самими заключенными. Они-де сами во всем виноваты. Невольно вспоминается песня ирландского композитора Патрика Макгигена «Люди за колючей проволокой», где есть такие слова:

Для арестованных нет судьи
и присяжных,
Да и не будет никакого
обвинения.
Раз уж ирландцы, значит,
виноваты.
Так что все мы виноваты,
все и каждый.

В августе 1969 года в Белфаст и Дерри вошли части регулярной английской армии. В Ардойне, Фоллзроуд, Богсайде и других католических гетто языки пламени еще лизали стены жилых домов, подожженных бандами протестантских экстремистов, членов Оранжистского ордена, испытанного орудия в руках власть имущих, натравливающих протестантов на католиков, чтобы увековечить колониальные порядки на северо-востоке Ирландии. Оранжистов использовали на этот раз для подавления массового движения за гражданские права, но со своей задачей они не справились, и на помощь были вызваны войска. Солдаты с автоматами наготове сыпались горохом из грузовиков и растекались по улицам.

В ту пору буржуазная печать Лондона трубила о некой «миссии мира» британской армии в Ольстере. Мол, «британские солдаты покончат с насилием, встав стеной между враждующими католиками и протестантами». Создавалось впечатление, что с армией в Северную Ирландию пришли мир и благополучие. Можно было подумать, что первопричиной всех бед Ольстера служит именно «извечная вражда между двумя религиозными общинами». Во всем вновь оказывались виноваты сами ирландцы, а Лондон выступал в роли эдакого миротворца и спасителя. Только оставалось непонятным, что лежит в основе вражды и откуда у людей нашего времени религиозная междоусобица. Но религия здесь явно ни при чем: разделяя ирландцев по религиозному признаку, правительство Англии проводит излюбленную колониальную политику «разделяй и властвуй». В то время как протестантам обеспечиваются привилегии, католики подвергаются дискриминации при найме на работу и продвижении по службе, при распределении жилья, в социальной, экономической и политической областях.

Крегган в переводе с гэльского означает «каменистая земля». Бесплодие, полная непригодность почвы и определили участь этого района — он достался католикам. Рассказывают, что на одной из улиц как-то прыгала через скакалку девочка, приговаривая: «Протестанты забрали все дома, протестанты забрали все дома, протестанты...» Проходивший мимо католический священник остановился, прислушался и сделал девочке замечание: «Учись смирению, дитя мое. Ведь Иисус Христос родился в хлеву». Девочка внимательно выслушала священника, а когда тот отошел, стала снова прыгать, приговаривая: «Христос родился в хлеву, потому что протестанты забрали все дома, протестанты забрали все дома, протестанты...»

Дети католиков к 11 годам начинают понимать, что учиться в школе большого смысла нет, а к 15 годам теряют всякую надежду найти и работу. Одна треть юношей не имеет ни профессиональной подготовки, ни специальности. У подавляющего большинства нет никаких видов на будущее. Если к сказанному добавить, что в трехкомнатных домах по три-четыре семьи, а в каждой семье по семь-десять детей, можно себе представить, в каких условиях живут и учатся дети Ольстера. О детских садах, яслях и спортивных площадках знают только понаслышке.

Власти ставят молодежь перед жестоким выбором: стать безработными второго-третьего поколения и всю жизнь перебиваться случайными заработками, навсегда расставшись с мыслью завести свою семью, либо эмигрировать. Лондон кровно заинтересован в том, чтобы нынешнее соотношение в Ольстере — две трети населения протестанты и одна треть католики — никогда не менялось. Потому что протестантам крепко вбили в голову, что без Англии они ничто. А те, у кого эта мысль в голове не укладывается, лишаются жилья и работы. В результате протестанты называются «лоялистами», сторонниками сохранения нынешних связей Северной Ирландии и Великобритании. На них опирается Англия, заявляя, что «большинство жителей Ольстера желает остаться британскими подданными». А католики, угнетенное и бесправное меньшинство, отказываются мириться с положением «граждан второго сорта» и расколом Ирландии. В глазах властей они «бунтари» и «террористы».

Кэтрин долгое время стояла в стороне от схватки. В Дублине она преподавала гэльский язык и историю Ирландии в протестантской школе, потом было неудачное замужество, и Кэтрин приняла приглашение переехать в Дерри, чтобы в корне изменить привычную обстановку. Теперь она учила детей католической школы и вначале отказывалась замечать различия между теми детьми и этими. В конце концов, дети везде дети. Она и от политики старалась держаться как можно дальше, внушая ту же мысль своим ученикам. Но жестокая жизнь в бурлящем Дерри, так непохожая на тихий, по-домашнему уютный Дублин, рассказы учеников о пережитом ими за последние десять лет — все это вынудило Кэтрин пересмотреть свои позиции.

Конечно, Кэтрин отчаянно ругала своих учеников, когда становилось известно, что они бросали камни в английских солдат, но она проклинала и солдат, когда сидела ночи напролет с больными детьми, у которых были арестованы родители. И за годы жизни в Дерри Кэтрин твердо усвоила, что детям Ольстера можно вернуть детство лишь в одном случае — если в Лондоне перестанут вздыхать о былом имперском величии и навсегда забудут о том, что Ирландия была когда-то первой английской колонией.

В долине Мурджии горизонт всюду близок. Куда ни посмотришь, взгляд упирается в похожие друг на друга пологие каменистые склоны холмов, поросшие чахлой травой. Жалкие деревца, которые пустили корни в расселинах между камнями, почти не дают тени, и от беспощадных лучей полуденного солнца у местных пастухов мутится в голове, спекаются губы, воспаляются, краснеют веки. Но даже если и повезет, встретишь хоть небольшую рощицу — на отдых рассчитывать нечего: овцы ждать не будут. Утром они тянутся на водопой. Днем разбредаются по холмам в поисках пищи. Вечером отару надо собрать в овчарню, пересчитать, проверить, все ли животные здоровы, запереть на ночь. Только тогда, уже после захода солнца, можно позволить себе небольшой отдых, съесть единственную за день порцию горячей пищи — тарелку макарон и крепко заснуть до того часа, когда небо на востоке начнет светлеть. Но и короткий сон не принесет облегчения. В сложенной из камней и покрытой старой соломой хижине усталого пастуха не ждут удобная постель и огонь в очаге. Хозяин строго-настрого запрещает разводить огонь даже в самые холодные ночи: свет может потревожить овец.

Так из года в год зимой и летом живут и работают тысяча двести местных пастухов. Самым младшим из них нет еще и десяти, старшим — немногим больше пятнадцати лет. Все они родом из Альтамуры, местечка на юге Италии.

Название этого ничем не примечательного городка, прилепившегося на каблуке сапога Апеннинского полуострова, стало известно лишь несколько лет назад. И действительно, чем прежде мог привлечь внимание скромный провинциальный центр в Мурджии? Сорок семь тысяч жителей, из которых три тысячи — неграмотны, девять тысяч — старики, 13 тысяч взрослых временно покинули родные места в поисках работы, — заурядный пыльный южный городишко. Единственная

МИКЕЛЕ, ДОМЕНИКО, ПАОЛО...

И. ИВАНОВ

местная достопримечательность — городской собор, да и то подобных сотни.

Известность пришла к Альтамуре неожиданно, и принесла ее трагическая новость. Один из городских пастушков, четырнадцатилетний Микеле Колонна, который уже третий год жил наедине со стадом овец, покончил жизнь самоубийством.

Трагедия в Альтамуре получила неожиданно широкий резонанс в стране. В версию о самоубийстве подростка почти никто не верил. В роковом выстреле, который оборвал его жизнь, скорее видели очередной кровавый эпизод какой-то вендетты, ведь всякий выстрел волчьей картечью из дробовика — лупары — на Юге прочно связывают с мафией. Поэтому падкие на сенсации репортеры газет ждали от расследования раскрытия какой-нибудь соответствующей тайны.

Следствие действительно принесло немало открытий, но были они совсем иного рода. В конце XX века на Юге Италии обнаружили скрытую и тем не менее процветающую систему... работорговли, где в роли рабов выступали дети из беднейших семей местных крестьян и горожан.

Сделки на «рынке коротких штанишек» заключаются раз в год, в день успения богородицы, на кафедральной площади города, куда родители приводят своих детей. Там их уже ждут покупатели: состоятельные землевладельцы и скотоводы. Дело идет быстро: придирчи-

вый осмотр будущего работника, короткий торг — и сделка состоялась. Цена? Смехотворно маленькая. В первый раз Микеле Колонна был продан всего за 40 тысяч лир и восемь килограммов сыра. Через два года его, правда, оценили уже подороже, как опытного работника, — 125 тысяч, десять килограммов сыра плюс машина дров, двенадцать литров оливкового масла и десять кило соли. Но отработать их Микеле не успел. Он застрелился, не выдержав бесконечной пытки изнурительным трудом по 16 часов в день и полуголодным существованием.

Драма Микеле Колонны потрясла воображение итальянцев. Но, как часто бывает в таких случаях, о ней довольно скоро забыли, едва успели остыть эмоции. Правда, на некоторое время эту историю снова вспомнили, наблюдая за ходом процесса о гибели Микеле, первого подобного судебного разбирательства после принятия в 1970 году закона, запрещающего нанимать на работу детей младше 14 лет. Бывших хозяев пастушка приговорили тогда к денежному штрафу и тюремному заключению «за плохое обращение с несовершеннолетними». Они поспешили обжаловать решение суда. Родители Микеле вновь потребовали справедливости, дело кочевало из одного кассационного суда в другой, пока виновных в конце концов... не оправдали. Дело, как всегда, окончилось в пользу тех, у кого есть деньги, а «рынок коротких штанишек» в Альтамуре существует по-прежнему.

Правда, теперь сделки уже не заключаются на самой площади. Торг идет в близлежащих тратториях, но суть его не меняется. На Юге детей продавали, продают и будут продавать в пастухи, и изменить здесь ничего невозможно. Это косвенно подтвердил и суд, так рассуждают и сами родители маленьких пастухов, отчаянной бедностью вынуждаемые из года в год вести своих детей в утро успения богородицы на продажу.

Все взрослое население Альтамуры связано своеобразной «омертой», клятвой молчания, которая не позволяет протестовать против эксплуатации детей. Ведь в городе, где для взрослых не находится никакой работы, подростки становятся единственными кормильцами в семье. И даже случись с ними несчастье, родители в большинстве случаев предпочтут не поднимать шума. Иначе местные «бароны»-землевладельцы никогда не согласятся взять на работу детей из этой семьи.

Именно так поступили родители Доменико Ди Паоло, еще одного пастушка, проданного в рабство в Альтамуре. История его во многом похожа на трагедию Микеле Колонны. Тот же изнурительный труд от восхода до заката: с трех часов утра до семи вечера бесконечные километры по каменистым холмам вместе с отарой — при любой погоде, в дождь и ветер, в леденящую зимнюю стужу и в летний зной. Вечером овец надо еще подоить и загнать в овчарню и только потом можно ненадолго прикорнуть на самодельном ложе из соломы. А вдобавок ко всему постоянное, сводящее с ума одиночество.

Оно нарушалось лишь раз в месяц, когда хозяева разрешали проведать родных и захватить из дома чистую одежду. Этот ежемесячный «отпуск», да еще один в году, в день своего святого-покровителя, становился настоящим праздником для Доменико. Дело даже не в том, что впервые за тридцать дней можно было вместо опостылевшего сыра и овечьего молока вдоволь наесться горячей еды. Главное — дома его ждали мать и отец, десять братьев и сестер, соседи и приятели. Люди. Вокруг было удивительно много людей. С ними можно было играть, если еще не забыл, как это делается, веселиться, если еще не разучился улыбаться. И говорить. До самозабвения упиваться рассказами о последних новостях в городке, о маленьких, но очень дорогих событиях в жизни семьи. Отец, оказывается, ездил в Таранто, младший братишка две недели назад сказал первое слово, а сестренка уже довольно бойко сама ходит по двору... Это была жизнь, настоящая, полная, интересная. Всего тринадцать дней человеческой жизни в году.

Такое и взрослому выдержать нелегко. И с каждым разом Доменико становилось все труднее расставаться с родными и возвращаться на пастбище. Он мучительно искал выхода и не находил. Вариантов-то было немного. Бросить овец и вернуться домой насовсем, но как тогда быть с семьей, кто будет зарабатывать деньги, кто будет ее кормить? Попробовать найти работу в какой-нибудь траттории или на бензоколонке в Альтамуре или устроиться чистить котлы на заводе «Италсидер» в Таранто? Но кто возьмет официантом или судомойщиком малограмотного, одичавшего наедине с овцами пастушка? На заводе в Таранто надежды устроиться тоже не было. Хоть работа и грязная и тяжелая, охотников до нее всегда много больше, чем мест.

Выход был найден не сразу. Зато потом, бредя вслед за стадом по бесконечным унылым холмам, можно было обдумывать его спокойно и без помех. Уж в чем, в чем, а в том, что ни одна живая душа не помешает ему в подготовке задуманного, Доменико был полностью уверен.

А когда было до конца обдумано и приготовлено все необходимое, оставалось только решиться. Доменико сделал все, как задумал. Заранее припасенный крепкий шнур он петлей завязал у себя на шее. Потом залез на оливковое дерево, которое было повыше остальных. На одной из верхних веток он накрепко привязал свободный конец веревки...

Его нашли не скоро. А обнаружив, в полицию обращаться не спешили. Наоборот, сделали все, чтобы печальная новость не разнеслась по округе. Синьор и синьора Ди Паоло предпочли молчать — у них было еще десять детей, многим из которых тоже предстояло в будущем искать работу. Другого выхода у них не было, они очень хорошо понимали всю бесполезность и даже опасность судебного разбирательства.

В Италии нищета связывает малолетних рабочих, их родителей и владельцев предприятий, на которых в обход закона работают дети, крепче круговой поруки. Что делать... В стране почти два миллиона безработных взрослых, которые отчаялись когда-либо найти место. И полмиллиона работающих ребятишек в возрасте от 8-ми до 14-ти, которые в буквальном смысле слова кормят своих родителей, бабушек и дедушек, младших братьев и сестер. Предприниматели ловко и беззастенчиво пользуются этим, во многих случаях даже предпочитая нанимать детей вместо взрослых, их родителей. Расчет простой: платить им можно хоть в десять раз меньше (многие подростки по десять часов в сутки работают в мастерской ремесленника, получая в месяц 30—40 тысяч лир, жалкие гроши, на эти деньги можно купить двадцать билетов в кино). К тому же за детей, нанимаемых без официального разрешения, не приходится платить налогов, на них не распространяется система страхования, в их защиту не выступит профсоюз, да и сами они никогда не подумают возмутиться — знают, что моментально окажутся на улице. Более того, в случае проверки малыши без напоминания спешат укрыться в каком-нибудь укромном уголке, чтобы не попасться на глаза инспектору. А их матери поднимают крик: «Хорошо вам разыгрывать из себя законников, когда у самих есть надежное место! А нам что прикажете делать?»

Тринадцатилетний Паоло живет в Неаполе, одном из самых крупных центров подпольного детского труда в стране. По итальянским законам парнишке еще бы ходить в школу — до обязательного восьмилетнего образования ему осталось немало. Но учителя видят Паоло редко, ведь он уже несколько лет работает подмастерьем в пекарне, хотя из-за этого трижды оставался на второй год.

Рабочий день мальчика начинается в половине четвертого утра. Сначала он помогает месить тесто, потом грузит готовые буханки, убирает в пекарне, развозит

хлеб. За этот нелегкий труд он получает чуть больше десятой доли зарплаты взрослого рабочего. Но Паоло не унывает. Он считает, что ему еще повезло, есть надежда и в будущем сохранить за собой это место, если хозяин будет им доволен. А школа... Жаль, конечно, пропускать занятия, но что они могут дать? Может быть, знания, но работу — почти наверняка нет. А ведь у него еще трое младших братьев, и без заработка Паоло семье, которая и так часто голодает, было бы совсем не под силу свести концы с концами.

Об обстоятельствах жизни и причинах подобного положения бесчисленных Паоло, Доменико, Микеле редко всерьез задумываются в Италии. Иногда в силу привычки или из равнодушия, иногда потому, что просто не знают истинных размеров чудовищной системы эксплуатации детей. Полумиллионную армию вечно голодных, оборванных, готовых выполнять любую работу малолетних тружеников часто представляют по тем шустрым и предприимчивым подросткам, которые осаждают водителей у светофоров с предложением тут же, на месте, вымыть стекло автомобиля («Всего за сто лир, синьор!»), или по снующим у перекрестков мальчишкам — уличным торговцам контрабандными сигаретами и сувенирами, или по достаточно опрятным и профессионально улыбчивым подросткам, которые помогают обслуживать посетителей в тратториях. Им, конечно, тоже нелегко дается хлеб, но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что выпадает на долю мальчишек, испытывающих подлинную трагедию от непосильного труда на стройке, захудалом заводике или в мастерской ремесленника. Но об этих ребятах можно узнать лишь из коротких газетных сообщений на страницах городской хроники, да и то если поводом послужит какое-нибудь трагическое происшествие. Как, например, это было с Антонио Салдарелли.

В свои двенадцать лет он был уже довольно крепкий парнишка, добрый, отзывчивый и, главное, работящий. Не успел окончить пятый класс, как родители нашли ему выгодное место (18 тысяч лир в неделю!), и он, послушно оставив учебу, поступил на службу к владельцу маленького магазина похоронных принадлежностей. Однажды, чтобы сэкономить время при разгрузке мраморных плит для надгробий (не хотелось платить лишнее за автокран!), хозяин приказал сгружать не по одной плите, а сразу по три. Сначала все шло нормально, но потом лопнул трос, не выдержавший троекратной нагрузки. Плиты обрушились на Антонио и стоявшего рядом хозяина. Когда приехала машина «Скорой помощи», спасти мальчика было уже невозможно, он умер по дороге в больницу.

Эта история заняла на странице газеты строк сто, не больше. Рядом небольшая фотография: у злополучных плит на земле маленькая фигурка, прикрытая белой материей. И все. Но дело здесь не в душевной черствости или безразличии к трагедии двенадцатилетнего подростка. Просто помочь Антонио было уже нечем, да и поздно. Потребовать наказания для его хозяина? Он тоже погиб под мраморной плитой, к ответу за нарушение закона о детском труде его не привлечешь. Предупредить родителей других детей, напомнить, что каждый год в Италии погибает во время несчастных случаев на производстве около 1100 подростков? Этим не остановить матерей, которые продают своих сыновей в рабство богатым скотоводам на Юге, за руку отводят ребят в подпольные мастерские, где слыхом не слыхивали о технике безопасности и об охране труда, подыскивают своим детям места на стройках, бензоколонках, в тратториях. Каждый раз нужда заставляет перебороть страх за судьбу ребенка. Голод и нищета поневоле примиряют со всем...

Итальянский журналист Альберто Салани с горечью пишет по этому поводу: «Когда исследуешь детский труд в нашей стране, сначала просто переживаешь, потом начинаешь возмущаться, под конец охватывает чувство бессилия. Целый мир эксплуатируемых детей, у которых украдено детство. Об их положении не расскажет статистика, ими мало интересуются полицейские власти, инспекторы по труду, профсоюзы, общественное мнение...»

Это действительно так. Закон определил длиннейший список работ, которыми запрещено заниматься детям из опасения за их жизнь. Здесь производство свинца и цинка, паяние и резка металлов, производство спичек и органических красителей, выделка кож, работа на бензоколонках и в мясных лавках. Не могут дети трудиться на стройках, где приходится поднимать тяжести или работать на лесах выше одного метра от земли, или чистить камины и топливные установки, или иметь дело с лаками. Но стоит посмотреть повнимательней вокруг, и бессилие закона сразу становится очевидным. Работающие дети встречаются буквально повсюду. Их не меньше пятидесяти пяти тысяч в Милане, около ста тысяч в провинции Кампанья, дести тысяч на Сицилии. А в Неаполе, хронически больном безработицей, их столько, что взрослые горько шутят по этому поводу: «Если бы детей не брали на предприятия, нашлась бы работа не только для всех взрослых неаполитанцев, но и для приезжих».

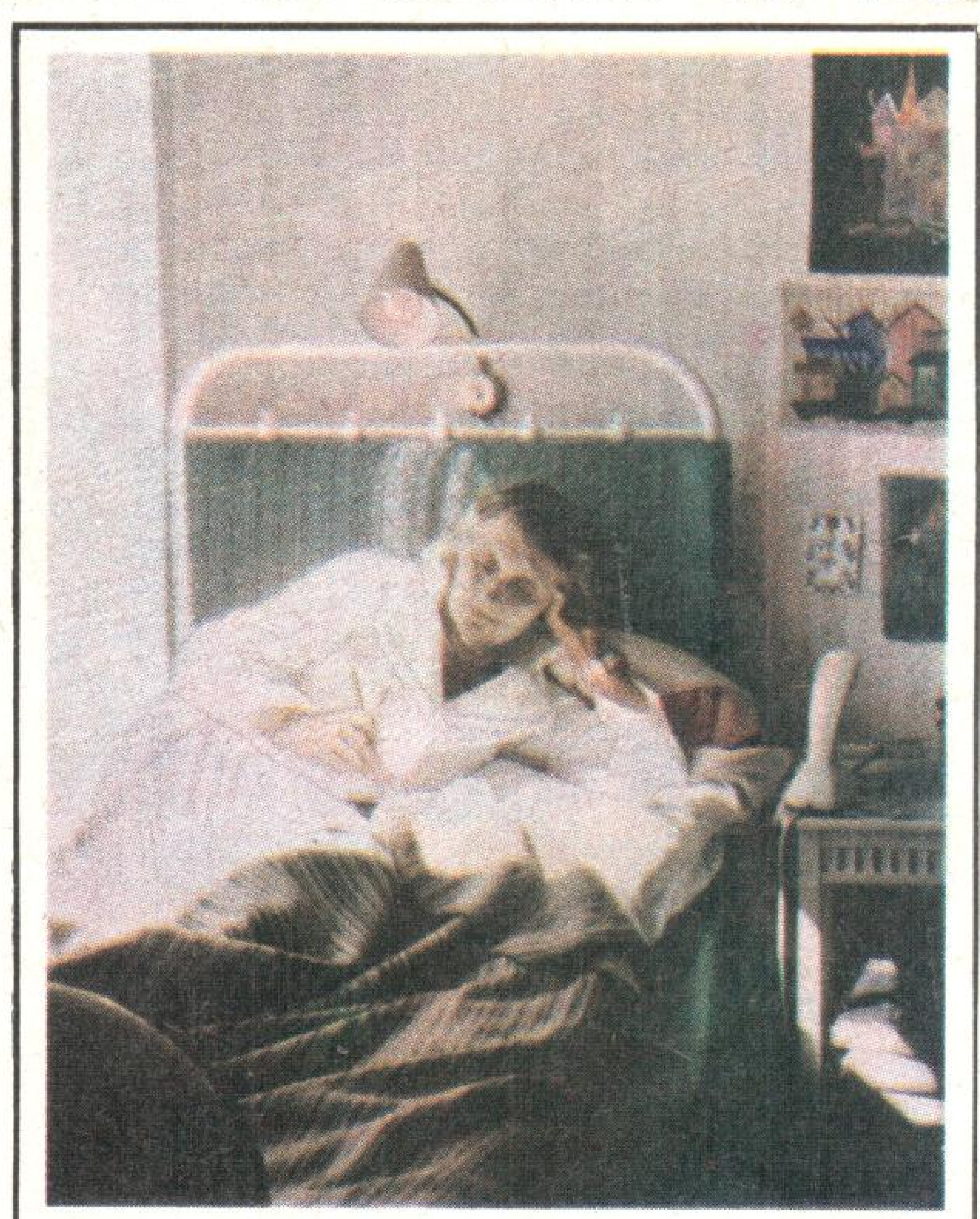
Но дешевые и послушные руки детей по-прежнему остаются ходким товаром, более выгодным для предпринимателей, чем руки взрослых. И родителям остается лишь с молчаливой болью смотреть, как рано утром малыши торопливо убегают на работу, а поздно вечером бредут домой совсем взрослой походкой. Смотреть, как медленно и необратимо умирает в их детях детство.

Лет на десять раньше переступая порог мира взрослых, дети входят в него не закаленными, не подготовленными к суровым испытаниям этого иногда очень жестокого мира. И тогда перечеркиваются судьбы, непоправимо разрушается здоровье, калечится психика. Общество не только безжалостно эксплуатирует детей, оно использует их как вещь-однодневку, с которой не жаль расстаться, когда она придет в негодность. Для тех, кто с восьми лет работает на стройке или в кустарной мастерской, будущего уже не существует. Еще не развитый мозг ребенка постоянно отупляется однообразной примитивной работой, и счастье, если со временем из такого маленького раба не вырастет нравственный урод.

...В «Тратториа интернационале» в местечке Сан-Дамиано-Макра было необычно многолюдно. Целая толпа журналистов из Турина и Рима осаждала владельца траттории в надежде услышать от него подробности о самоубийстве Костанцо Мартини. Несколько лет этот пастух жил почти в полном одиночестве: из родной деревни уехали все жители, а повидать людей в траттории удавалось нечасто, заботы об овцах прочно удерживали пастуха в горах.

Итальянские журналы и газеты поспешили подробно рассказать о том, как Костанцо Мартини подготовил свой уход из жизни. Журналисты не поскупились на краски, описывая праздничный наряд, который он надел в свой последний день, на подробности о том, как нашли самоубийцу, на жуткие описания его тела (крысы на несколько дней раньше людей обнаружили мертвого пастуха).

Такое внимание к трагедии в пустынной горной деревушке было бы сложно объяснить, если бы не одна деталь. Костанцо Мартини было 48 лет. Его самоубийство оказалось более «выигрышной» темой, чем трагедия Доменико Ди Паоло. О бедственном положении работающих детей в последнее время в Италии пишут и так много, да и вообще к этому уже успели привыкнуть. Рассказом о самоубийстве четырнадцатилетнего подростка трудно кого-нибудь удивить. Но чтобы взрослый мужчина, почти пожилой человек, поступил подобным образом? Это действительно сенсация...

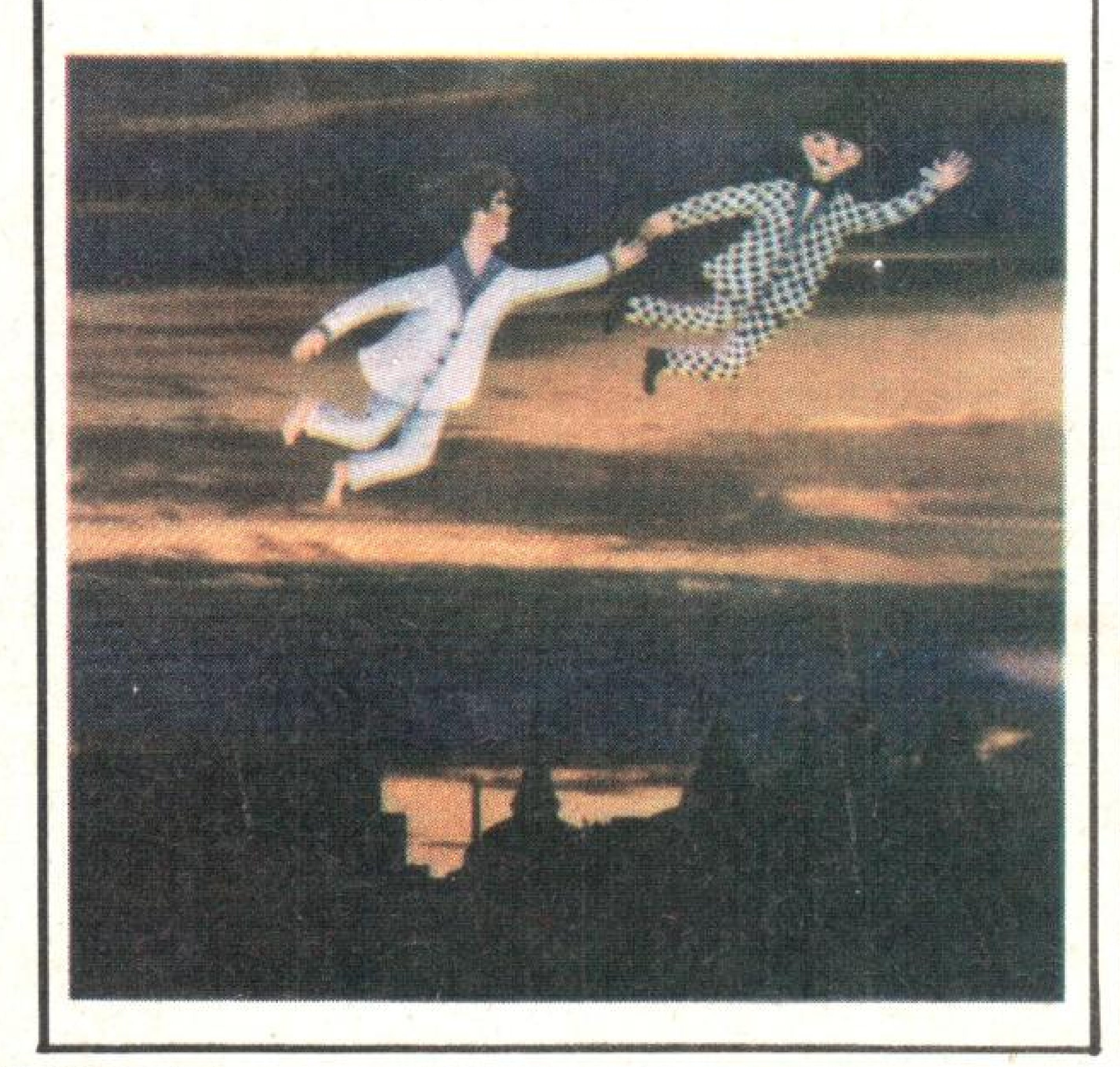
СТРОПТИВАЯ АСТРИД ЛИНДГРЕН

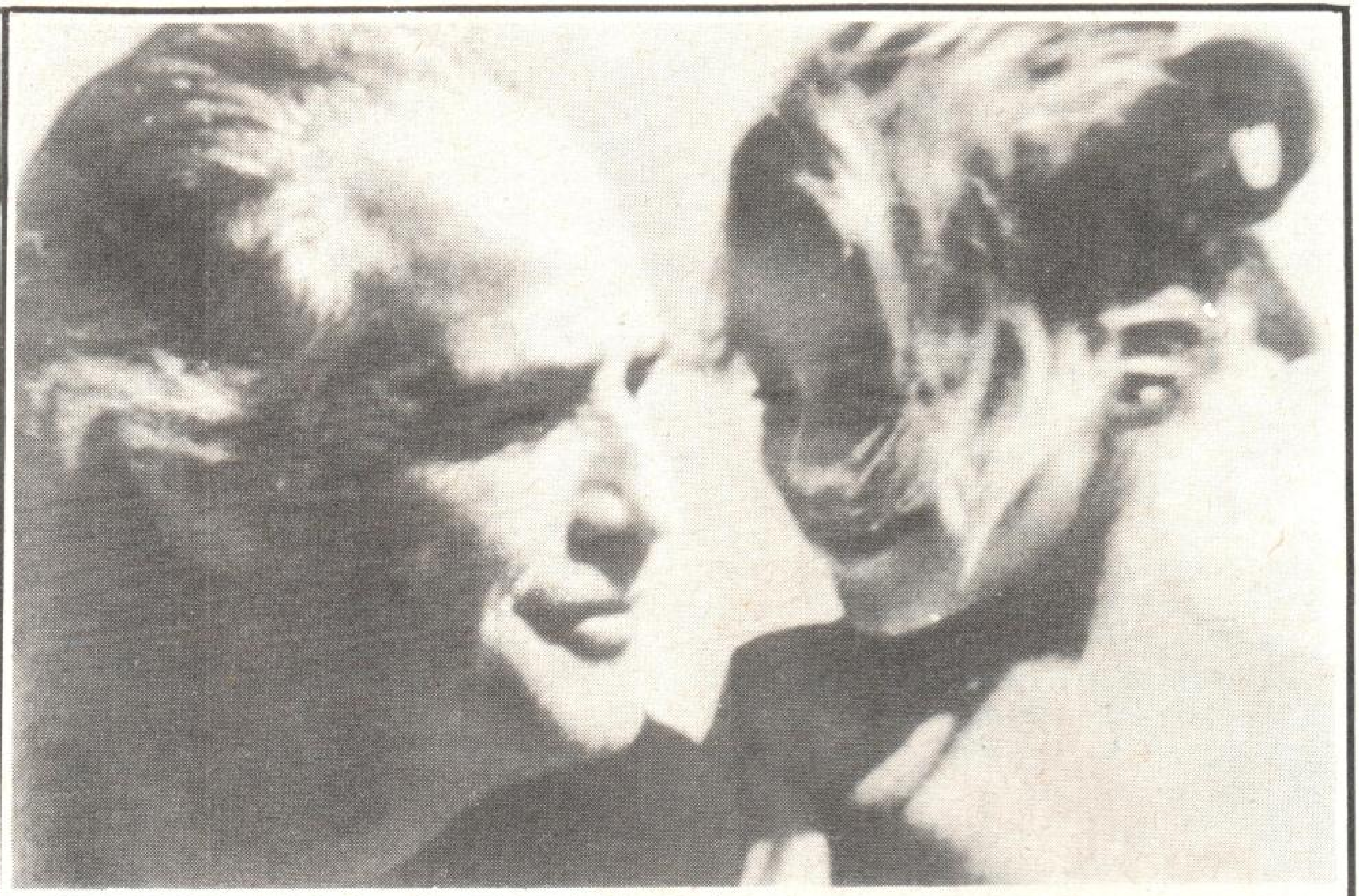
Сказки шведской писательницы Астрид Линдгрен любят дети всего мира: за семьдесят лет жизни она придумала сотни интереснейших историй. «Я думаю, что самое главное — научить детей умению любить. А этому можно научиться», — формулирует писательница опыт своей жизни.

Появлением книг Линдгрен мир обязан ее детям. Засыпая, они требовали от мамы веселых историй. Они же выдумывали и имена главных героев: Карлсона, который живет на крыше, доброго летающего волшебника герра Лилиенштенгеля... Так родилась первая сказка «Пеппи Длинныйчулок», изданная в Швеции в 1945 году. Потом ее читали ребятишки Японии, США, СССР и многих других стран. Эта и другие книги Линдгрен отмечены множеством наград и премий.

Но было и много нелестных оценок. Так, педагоги ФРГ 50-х годов расценивали историю о строптивой Пеппи как «опасную для детей». «Если я буду серьезно относиться к критике, — говорит строптивая Линдгрен, — я не смогу больше написать ни одной книги...»

Счастлива ли сама писательница? «Лично я счастлива, но страдаю из-за многих несчастий, которыми еще полон мир».

«ОТШЕЛЬНИК» С ТЕТИАРОА

Бирюзовые волны разбиваются о розоватую гряду коралловых рифов. Из буйных тропических зарослей появляется загорелая фигура воина в леопардовой шкуре... Кадр из фильма про индейцев? Нет. Это Марлон Брандо на своем атолле Тетиароа, где он проводит вместе с семьей шесть месяцев в году. «Брандо любит маскарады! Марлон непредсказуем!» — говорят друзья, говорят кинокритики. Но Брандо неизменен в одном — в своих убеждениях: мы знаем о его действиях в защиту угнетенных индейцев Америки. И еще один факт: оказывается, вот уже двадцать лет Брандо отдает часть своих доходов в Детский фонд ООН.

«ДАРИМ ПЕСНЮ»

Так назывался концерт, состоявшийся в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, в нем приняли участие многие известные поп- и рок-музыканты. И все они отдали в Детский фонд ООН по одной новой песне (вернее, все доходы от продажи пластинок с записями этих песен). В концерте участвовали: Донна Саммер (вы видите ее на снимке во время исполнения «Песенки Мими»), ансамбли «Би Джиз», «АББА» и многие другие.

Известный менеджер Роберт Стигвуд сказал: «Никогда еще музыканты не выступали с таким подъемом. Ибо они видели конкретную цель своих усилий — помощь миллионам голодающих детей. И мы собираемся устраивать подобные концерты ежегодно».

ВУНДЕРКИНДЫ ВОДОПЛАВАЮЩИЕ?

Отнюдь. Самые обыкновенные новорожденные младенцы. Родители этих двухмесячных созданий, поверив тренерам и психологам Кёльнской спортивной школы, регулярно привозят их в бассейн. (Впрочем, подобные картины можно наблюдать и в бассейнах Москвы.)

«Если разрешить детям вскоре после рождения плавать и нырять в теплой воде, то они воспримут это как веселое продолжение своей жизни до появления на свет» — к такому выводу пришли ученые, уже 10 лет изучающие проблему воздействия раннего плавания на психическое, умственное и физическое развитие детей. Наблюдения показали: «плавающие» дети по всем показателям развиваются лучше, чем их «сухопутные» ровесники. У них даже и оценки в школе получше!

СКОЛЬКО ЛЕТ БЫЛО АННЕ ФРАНК?

Вы знаете, кто такая Анна Франк? Сейчас ей было бы пятьдесят. Она умерла от тифа в немецком концентрационном лагере Берген-Бельзен. До этого семья Анны два года и один месяц скрывалась от фашистов в Амстердаме, пока их не предали... Выжил только отец. В 1945 году его вместе с другими узниками Освенцима освободили советские солдаты.

Вот и все. Никто бы не знал сейчас имени Анны Франк — одной из многих миллионов жертв второй мировой войны. Но после возвращения в Амстердам голландские друзья передали отцу Анны ее дневник. Отто Франк прочитал его и понял, что никогда по-настоящему не знал своей дочери. А еще понял, что не имеет права скрывать его от людей.

Дневник Анны Франк опубликован в 52 странах. По нему поставлены пьесы и кинофильмы. Десятки миллионов людей узнали, что чувствовала тринадцатилетняя девочка в полутемной чердачной комнате, минута за минутой, день за днем ожидавшая, что вот сейчас за ними придут... Снова хлопнула входная дверь, и время остановилось. О чем ты думала? Ни о чем... Сколько времени прошло? Не знаю: несколько секунд и вся жизнь. А это просто приходил почтальон... И так — два года и один месяц. Минута за минутой, день за днем. Сейчас Анне Франк было бы пятьдесят лет. А сколько ей было тогда?

Об этом и многом другом размышляет 89-летний Отто Франк в своей книге, которая вышла в Швейцарии ко дню рождения Анны.

МНОГО ШУМА ИЗ-ЗА ДЕТСКОГО ШУМА

«Если наше общество больше не может выносить начальную школу рядом с жилыми домами, то оно действительно серьезно больно» — так определил обербургомистр города Тюбингена (ФРГ) г-н Шмидт отказ окружного управления строить новую школу. Строители побоялись: а вдруг шум, производимый детьми, нарушит покой двадцати высоких сановников? Ландтаг тоже не сумел решить этот сложнейший вопрос: половина его членов считала, что школа помешает сановникам отдыхать от трудов на пользу нации, а другая, считая, что пользы все равно нет, решила — пусть уж будет школа. А пока родители 205 детей обивают пороги различных инстанций, противники школы решили «поменять ребенка на автомобиль», предлагая построить на этом месте... автостоянку.

На снимках: справа — схема района, белым очерчено «проклятое» место. Слева — демонстрация в защиту школы, в защиту детей.

«ЖАР-ПТИЦА» ЛЕТИТ НАД НЬЮ-ЙОРКОМ

Счастливое это время, когда дети еще не заражены взрослыми предрассудками: черные мальчуганы увлекаются приключениями двух белых детей, столкнувшихся с великаном, белые обожают жителя африканского племени Айо, спасшего от засухи сородичей... А недавно и те и другие открыли для себя русские сказки.

Книга, пользующаяся сегодня наибольшим успехом, — это «Жар-птица» и другие русские сказки», о которой один из издателей, Жаклин Кеннеди, пишет: «В этой книге мы видим и слышим Россию: леса, болота, крестьянские избы, веселую народную пляску». Персонажи русских сказок так полюбились маленьким американцам, что с нового учебного года в школах в качестве книги для чтения будет принята антология русских сказок XIX—XX веков.

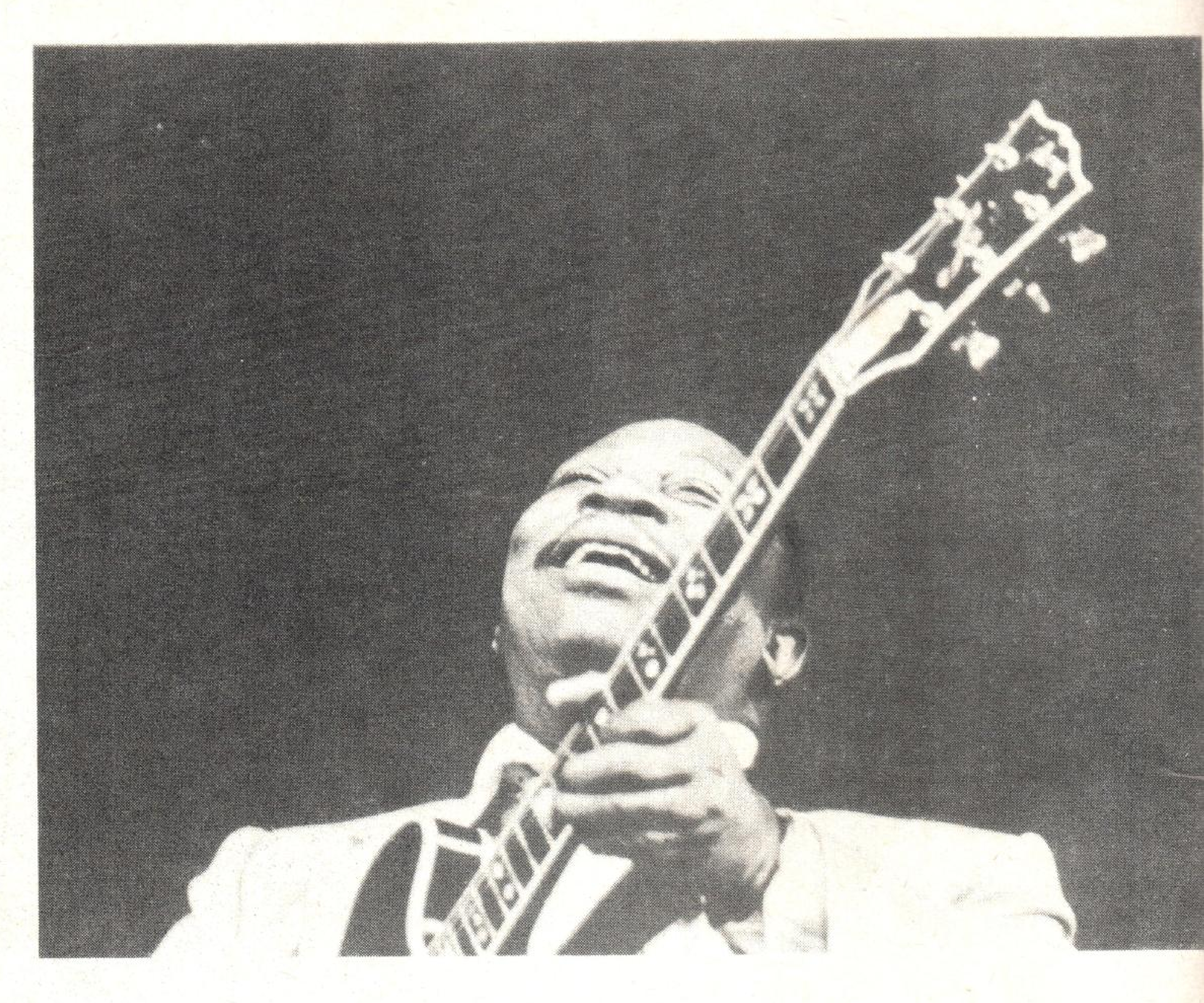
ВЫ СПРАШИВАЛИ

...Райли Кинг. Родился в 1925 году в городке Иттабена, штат Миссисипи. В девять лет остался сиротой. Работал на плантациях. В школу почти не ходил. Начал играть на гитаре в 14 лет, выучился сам, на слух. В годы второй мировой войны был призван в армию. Вернулся на плантации, работал трактористом. Продолжал играть на гитаре.

В 1947 году отправился в Мемфис. Там его услышал продюсер местной радиостанции. Райли Кинг начал выступать. Пришел успех. Тогда же он получил прозвище «Би Би» — «Блюз Бой». Некоторое время работал диск-жокеем на «черной» радиостудии в Мемфисе, а в те времена ведущим передач было принято давать прозвища — «для лучшего контакта со слушателями». Так он и остался «Би Би».

Далее дорога поднимается вверх.

Вот ее вехи: первая пластинка — в 1949 году; в 1950-м — мелодия Лоуэлла Фулсона «Блюз в три часа» в его исполнении становится хитом; 1961-й — начинает записываться на известной студии «Эй-Би-Си-Парамаунт»; с 1969 года — выступления по национальному телевидению; 1970-й — дебют в «Карнеги холл», тогда же журнал «Гитарист» назвал его лучшим блюзовым гитаристом мира (титул носит до сих пор), тогда же начались гастрольные поездки по всему миру. Весной 1979 года вместе со своим оркестром приехал в СССР.

«ВСЕ ХОТЯТ ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ Я ПОЮ БЛЮЗ»

Все хотят знать, почему я пою блюз,
О, все хотят знать, почему я пою блюз,
О, я буду петь блюз,
Пока я с долгом блюзу не расплачусь...

— Я много езжу. И дома тоже. Выступаю в самых маленьких городках, в самых маленьких залах. Потому что есть масса людей, которым просто не на что приехать в большой город, купить билет в большой зал... Им тоже нужен блюз. За тридцать три года у меня сорвалось всего 16 концертов — и лишь четыре из них по моей вине. Болел сильно. Я никогда не отменяю концерты — ведь люди пожертвовали для меня временем, деньгами, я не имею права их подводить. Устаю, конечно. Я знал одну женщину: ей у машины меняли колесо, рядом играл ее сын. Колесо покатилось, упало на ребенка, так она колесо схватила, прижала к груди, а сына оттолкнула. Нет, ничего трагического не случилось, просто это пример — вот как люди устают. Это я называю стрессом. Я иногда бываю тоже таким уставшим, но все же никогда не отказываюсь выступать. Потому что все мы — должники. Перед людьми, перед обществом, если хотите. Меня как-то попросили выступить в одной тюрьме в Чикаго. Там сидели почти сплошь черные и пуэрториканцы. У них не было денег на залог [1]. Это были очень бедные люди, и они сидели до суда в тюрьме — иногда по году. И если на суде выяснялось, что они не виновны, им ведь никто даже никакой компенсации не платил. И таких там было много. Конечно, были и такие, что сидели за дело, но невиновных было все же больше. Ну, мы приехали туда выступать, взяли с собой журналистов... Эти люди, заключенные, рассказывали мне свои истории, журналисты их потом опубликовали, общественное мнение, а тут выборы... И наконец-то стали разбираться, что в этой тюрьме творится. Это я называю платить долги.

Во время одного выступления, еще когда я молодой был, прорвался к сцене какой-то подвыпивший тип, кинул на помост сто долларов и потребовал, чтобы я играл у него на вечеринке. Я, конечно, послал его куда надо. И в тот же вечер за кулисы пришел ко мне парень и сказал: «Знаешь, Би Би, у меня ни копейки нету, зато есть бутылка виски. Давай выпьем вместе, сыграй мне, ладно? А то у меня сейчас все паршиво идет». И для него я играл. Мы выпили с ним, и я играл. Это тоже — платить долги.

И блюзу мы все должны. Ведь блюз — это наши корни. Блюз — это как материнское дерево. Многие направления вышли из него, включая рок-н-ролл. И джаз тоже. Для меня джаз — это блюз, получивший высшее образование. А мы, черные, все время должны помнить о корнях. Были времена, когда молодые черные стеснялись блюза — он напоминал о временах рабства. А они стыдились вспоминать о том,

[1] *В США существует система, по которой обвиняемый до суда может быть выпущен под денежный залог. Но этот залог не всем по карману. — Примеч. ред.*

что их предки были рабами. А чего здесь стыдиться? Это твоя история, и у каждого народа она должна быть. Иначе народу не выжить. Движение за гражданские права в начале шестидесятых — ведь оно дало нам чувство нашей истории, оно сказало: нечего стыдиться того, что вы черные, вы должны быть гордыми!

Когда я был в Ленинграде, мне рассказывали, что было во время войны. И вы гордитесь своей историей, там, в Ленинграде, ваши корни, и это прекрасно! Вот и мы не должны забывать о том, как нам было тяжело, тогда мы будем сильнее. А блюз — это напоминание о наших корнях.

Нет, это неправильно думать, что умение петь блюз приходит только с возрастом. Верно, что для блюза необходим прежде всего жизненный опыт, но ведь он и у молодых тоже есть. Опыт — это такая штука, ее за деньги не купишь. Можно купить знания, потому что можно купить книги. А вот опыт не купишь. Он или приходит, или нет, и ты или умеешь петь блюз, или нет. Потому что есть люди, которые и до старости опыта не набираются, как бы жизнь ни поворачивалась. У меня в оркестре много молодых ребят, и они хорошие блюзмены.

Нет, я не считаю, что только блюз — настоящее! Блюз — это просто прапрапрадедушка современной музыки. И то, что на первый взгляд кажется пустяком, — какое-то новое направление — тоже ведь вдруг со временем оказывается настоящим. Про джаз тоже когда-то говорили, что он временное явление. А я вырос в джазе, и уж точно он будет жить после меня, после всех нас.

Не надо думать, что, если ты стар, ты уже прав. Надо давать молодым пробовать, совершать ошибки, потому что, когда ты что-то делаешь, ты обязательно совершаешь ошибки, и их не надо бояться, надо пробовать. Я не согласен с критиками, они все время что-то предсказывают, но предсказывают-то в спешке. А самый умный критик — время.

...Господи, я проработал пять лет диск-жокеем, а говорить так и не научился!

О чем мы? Как меня здесь слушали?

Я никогда не могу предсказать, как поведет себя публика. Ждать ответа — это можно, но предсказывать поведение... На концерте я всегда сначала разгоняюсь, пробую — так, так, нащупываю, ага, отозвались, тогда можно играть. Когда публика довольна, я тоже доволен. Каждый вечер все по-разному, и я уже слишком много лет занимаюсь этим делом, чтоб понять: предсказать публику нельзя... И у вас меня слушали по-разному, и играл я по-разному: то хуже, то лучше. Но самый прекрасный вечер был в Тбилиси: там ваши музыканты устроили для меня джем-сешн [1]. Нет, я сам не играл, играли с ними мои парни, я на джем-сешн никогда не играю, я учусь, слушая. У вас есть потрясающие музыканты, очень техничные, и они чувствуют джаз...

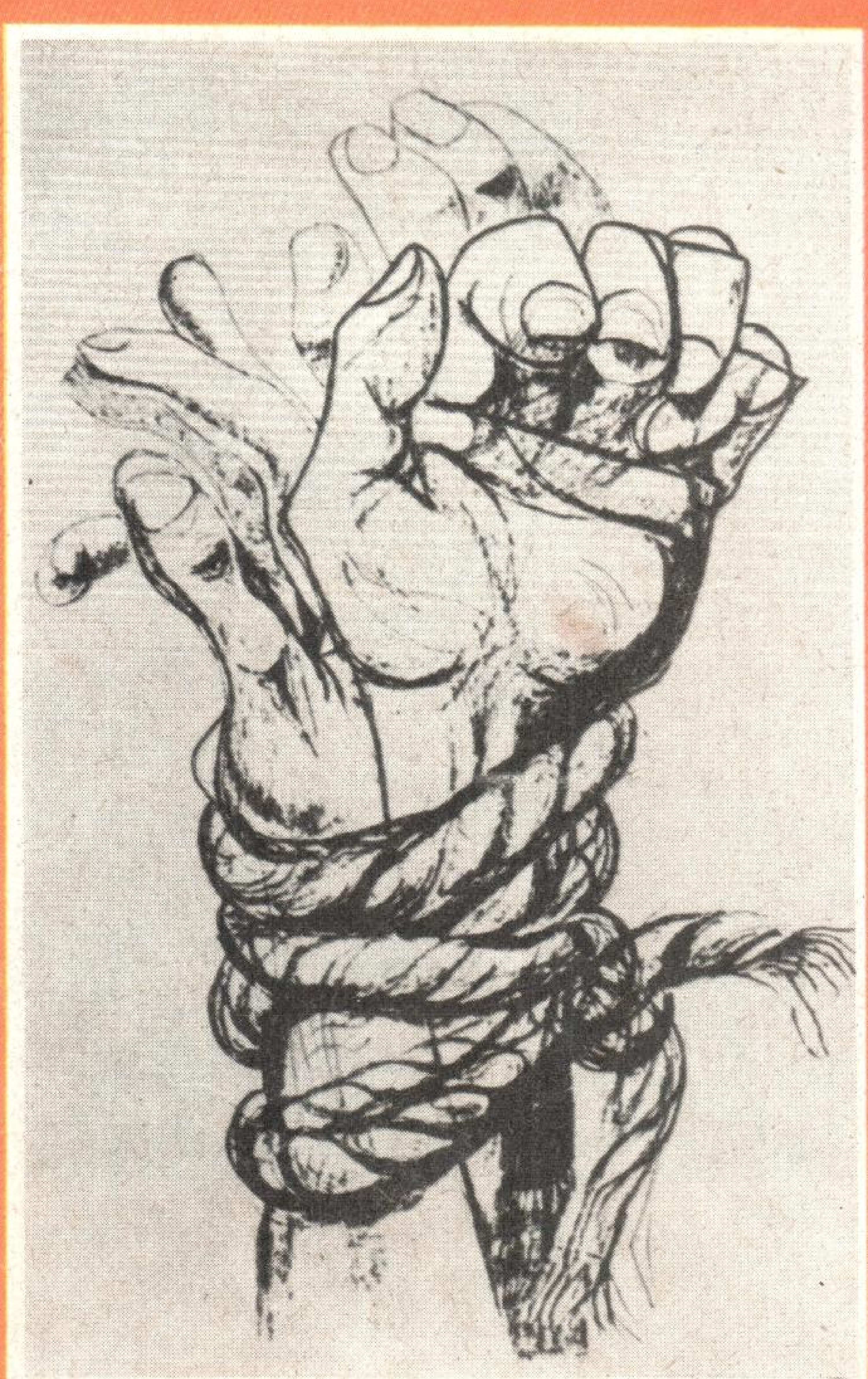
Влияют ли на меня молодые музыканты? Еще как! Потому и стараюсь держаться от них подальше!

Мне говорят, все будет лучше,
М-м-м, все будет лучше,
Я сяду в автобус, поеду в другой город, детка,
И в том городе тоже будет неплохо,
Потому что там люди думают, как и я.
О, я пою блюз,
Я давно пою блюз,
Я буду петь блюз,
Пока я с долгом блюзу не расплачусь.

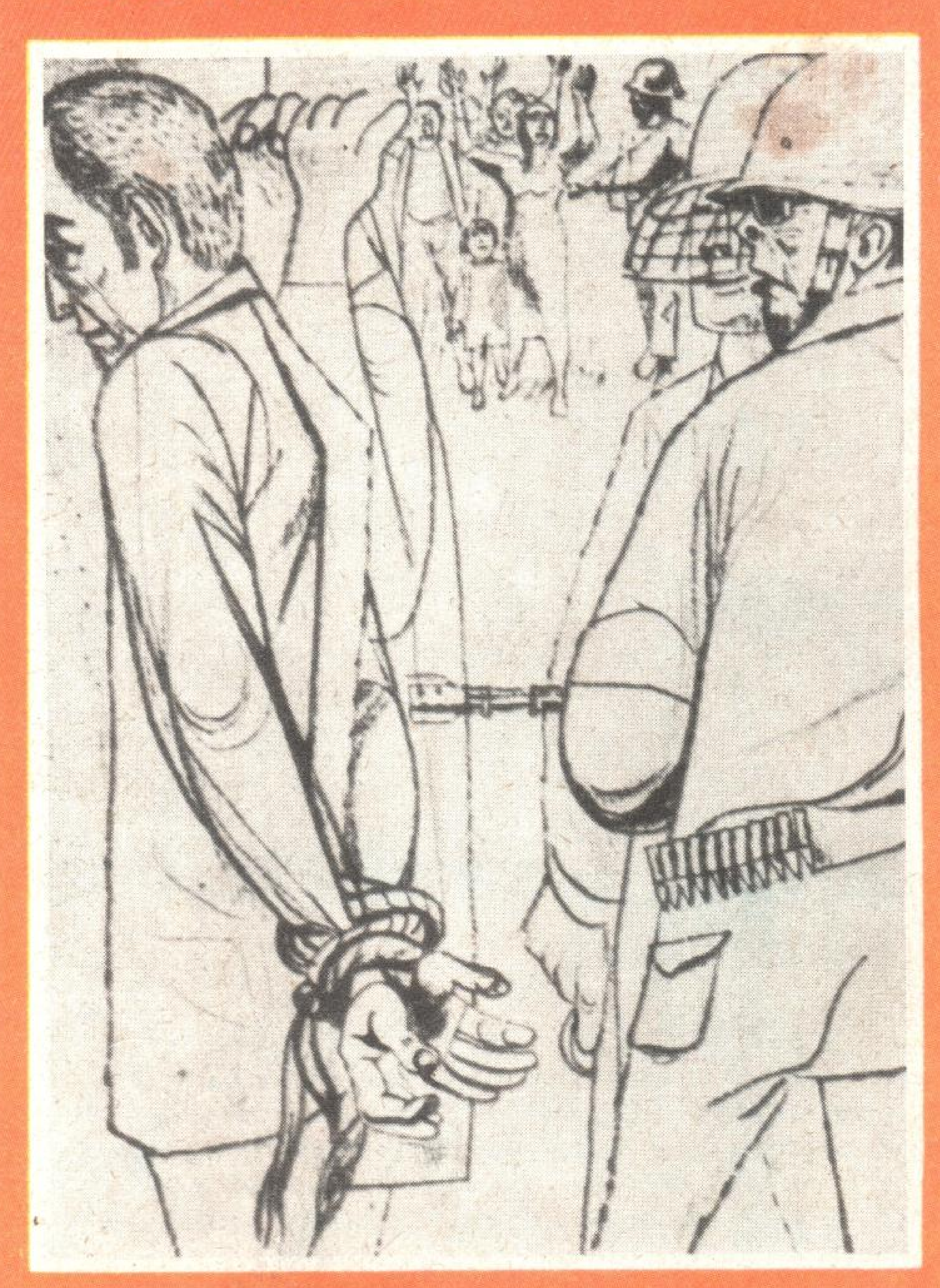
Н. РУДНИЦКАЯ,
Ю. ФИЛИНОВ
Фото В. ФЕДОРОВА

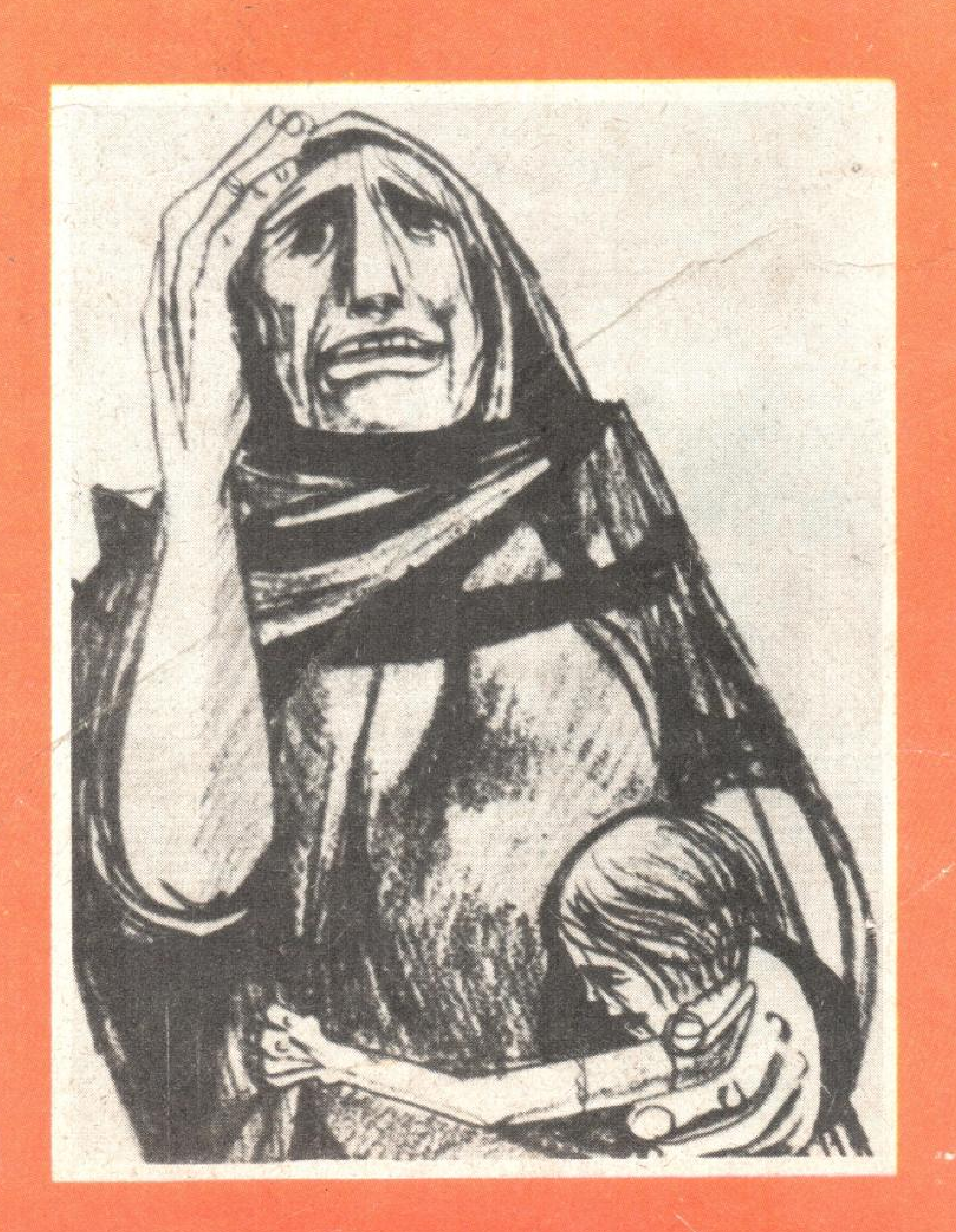
[1] *Джем-сешн — встречи, во время которых джазмены играют «сами для себя», не для публики. — Примеч. ред.*

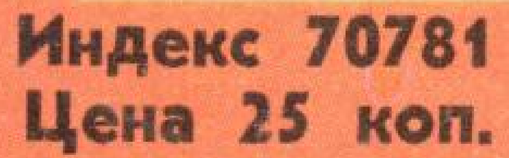

Выдающийся американский художник Антон Рефрежье (Антон Антонович — так он называет себя в разговорах с сотрудниками нашей редакции, — Антон Антонович давний друг и автор «Ровесника», и мы неоднократно публиковали его рисунки и статьи) снова гость нашей страны. В мае в Выставочном зале Союза художников СССР демонстрировались его работы из серии, посвященной трагедии и борьбе народа Чили.

Индекс 70781
Цена 25 коп.